

Столяров-Король: РОДИНА, ЗАНОВО ОБРЕТЕННАЯ

Ku pamięci Polaków poległych na Sybirze

Abakan
2007

Павел Столяров-Король

РОДИНА, ЗАНОВО ОБРЕТЕННАЯ

Посвящается памяти ссыльных Поляков, погибших в Сибири

Абакан
2007

УДК 94 (57)
ББК 63.3 (253)
С 81

Книга издана при содействии Сената Республики Польша
и Фонда Помощи полякам на Востоке

Редакционная коллегия

С.В. Леончик, канд. ист. наук, Л.А. Полежаева

Перевод с польского

Павел Столяров-Король

Оформление обложки, рисунки

Мария Столярова

Компьютерная верстка

Koro!Art

Столяров-Король П.А.

Родина, заново обретенная. – Абакан, 2007. – 222 с.

Предлагаемая книга стала результатом исследовательской работы, проведенной П. Столяровым в 2003-2005 гг. Была исследована группа бывших польских ссыльных. Они вместе с родителями были сосланы в Сибирь в 1939 году, а в 1946-м вернулись на родину, в Польшу. В третьей части сборника размещены статьи, касающиеся польской системы образования в РСФСР, а также системы детдомовского воспитания в 1939-1946 гг.

Книга предназначена для историков, краеведов, музейных и архивных работников, преподавателей и аспирантов вузов, а также для всех интересующихся малоизученной проблематикой польской ссылки в Сибирь.

Формат

Печ. листов

Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральная польская национально-культурная автономия

«Конгресс поляков в России»

123557, г. Москва, Большой Тишинский пер., д. 1,

тел. (495) 231-16-38, 231-16-39.

e-mail: prihpmoskwa@mtu-net.ru, konpolros@mail.ru

www.poloniarosji.ru

Отпечатано в типографии «Журналист» 655017,
Республика Хакасия, г.Абакан, ул.Советская, 71,
тел. (3902) 22-43-38.

УДК 94 (57)

ББК 63.3 (253)

© **Koro!Art 2007**

pkorol@interia.pl; www.rodacy.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Сибирь и ссыльные поляки - Леончик С., канд. ист. наук..... 4

I. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ РАМКИ

Крэсы. Территория и люди 13

Из истории освоения Восточных Крэсов во времена существования Второй Речи Посполитой 15

Депортация польских граждан в РСФСР в 1939-1941 гг. 22

II. ДЕПОРТАЦИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ

Общие данные респондентов и их происхождение 29

Депортация 30

Условия, в которых проходила депортация 36

Место назначения и условия жизни ссыльных в Сибири 41

Питание 46

Работа 48

Культурная жизнь 52

Школа и костел 55

Власть и местные жители 58

Возвращение из ссылки в Польшу 62

Воспоминания о Сибири 64

Выводы 65

Жизнь сегодня 67

III. ПОЛЬСКИЕ ДЕТСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В СИБИРИ 1940-1946 гг.

Польские общеобразовательные учреждения Красноярского края. Учебный год 1944-45 70

Польские общеобразовательные учреждения в Хакасской автономной области. Учебный год 1944-45 77

Польские детские дома на территории Красноярского края в годы Великой Отечественной войны 79

Мало-Минусинский Польский детдом в воспоминаниях его воспитанников (1942-1946 гг.) 83

Польский детский дом в деревне Большая Ерба 90

Образ Сибири в воспоминаниях бывших воспитанников польских детских домов 94

Примечания 102

Список использованной литературы 106

Приложения 109

Леончик сергей

СИБИРЬ И ССЫЛЬНЫЕ ПОЛЯКИ

Поляки появились в Сибири еще в конце XVI в., однако о формировании польской общины можно говорить после массовых ссылок XIX в. – после восстания 1830 г. и 1863-64 гг.

Подавление царскими войсками январского восстания 1863 года привело к самой массовой высылке поляков и лиц других национальностей в отдаленные области Российской Империи, и в первую очередь за Урал – в Сибирь. Официальные данные говорят о 22 000 ссыльных по делу польского восстания.

Ссылные поляки – участники восстания 1863-1864 гг. внесли немалый вклад в развитие юга Енисейской губернии. Исследования на эту тему довольно многочисленны. Малоизученной до сих пор остается тема добровольного переселения как польских крестьян, так и польской интеллигенции на рубеже XIX – XX вв.

Необходимо подчеркнуть, что в XIX в., а особенно в его второй половине, поляки приезжали за Урал добровольно, чтобы там работать в различных отраслях экономики. Среди предпринимателей следует отметить Альфонса Козелл-Поклевского, Казимира Гроховского, Захария Цибульского и Игнатия Собещанского. Последний был собственником нескольких рудников между Енисеем и Амуром.

Поляки, для которых Сибирь стала родиной, не

были ограничены в своем образовании, карьерном росте. Яркий тому пример – Енисейский губернатор Иван Крафт (1864-1914), сын польского дворянина, сосланного в волостное село Шушенское Минусинского округа за служебное преступление.

Добиваясь роста экономического потенциала Сибири, царское правительство старалось привлечь на сибирскую территорию добровольных переселенцев.

Были это крестьяне и рабочие. В Царстве Польском пропагандировали возможность выехать за Урал.

Уже в 1894 г. добровольно за Урал в Западную Сибирь переселилось несколько десятков семей из Плоцкой и Радомской губерний. Два года спустя туда уже выехало 45 семей из Седлецкой и Любельской губерний. В это же время на приамурские территории выехали крестьяне из волости Жмудь, что в Хелмском уезде. Позднее переселенцы выезжали из Хрубешовского, Томашевского, Замойского и Хелмского уездов. В результате этих переселений появлялись польские поселения в Сибири. Были они как на западе, так и на востоке Сибири, в том числе и в приамурской долине. Крестьяне получали бесплатно земельные наделы, освобождались от налогов и обязательной военной службы. Известно, что часть поляков поселилась даже на Сахалине. Поляки составляли около 1% всего переселенческого движения в Сибирь, то есть около 15-20 тысяч человек.

Нелегко им было привыкнуть на новых землях, в другом климате. Польские деревни отличались высокой культурой при обработке земли. Дома и дворы были ухоженными. В деревнях строились небольшие костелы. Помощь в опеке над паствой оказывали католические священники, приезжавшие из Царства Польского.

Одним из примеров таких деревень, основанных в начале XX в., может служить село Вершина Иркутской области, деревня Александровка на юге Красноярского края или Белосток Томской области. До сегодняшнего времени там проживают люди с самосознанием своих польских корней.

Период конца XIX в. – это абсолютно иная ситуация в Царстве Польском, в результате чего кроме ссыльных в Сибирь прибывали из так называемого Привислинского Края выпускники высших учебных заведений Санкт-Петербурга, Москвы, Харькова, Казани в поисках работы. Конец XIX- нач. XX вв. – период огромных инвестиций в экономику Сибири. Это, в первую очередь, строительство Транссибирской магистрали. Исторические источники указывают, что уже в 70-х гг. в Сибири появились добровольные работники – инженеры, выпускники высших учебных заведений. Поляки работали при строительстве Обь-Енисейского канала. До сегодняшнего дня на территории Сибири проживают поляки, потомки тех, кто когда-то добровольно выехал из Царства Польского.

Вследствие развития промышленности в Томске в 1889 г. открылся первый в Сибири университет. Тремя годами позднее возник Технологический Институт. В этих учебных заведениях учились и работали поляки, добровольные переселенцы.

Процесс формирования польской диаспоры драматически прервала октябрьская революция, когда новые правительства и новая ситуация привели к ее частичному и целевому уничтожению – часть людей умерли в лагерях, часть скрывали свое польское происхождение.

1937-й – год, в котором НКВД по заведомо надуманным делам расстрелял и репрессировал несколько тысяч поляков и, в первую очередь, римско-католических священников. Вследствие этих репрессий поляки растворились в общей массе сибиряков, записываясь в документах русскими, украинцами и белорусами.

Вторая мировая война, развязанная немецким фашизмом, началась 1 сентября 1939 г. вторжением гитлеровских войск на территорию Республики Польша. Однако не все в нашей стране знают, что для поляков эта война стала войной на два фронта – 17 сентября восточные границы Польши без объявления войны переходят советские войска. На бывших польских землях начались массовые аресты среди гражданского населения, а затем и самая массовая кампания – депортация. В результате четырех операций по насильственной высылке,

проводимых в 1940-1941 гг., было выслано 320 000 граждан Польши. Всего за период с 1940 по 1949 гг. в СССР было депортировано, по разным оценкам польских историков, от 900 000 до 1 500 000 польских граждан. Среди жертв массовых политических репрессий в СССР поляки составили одну из самых многочисленных национальных групп. К этой же группе можно отнести и польских граждан иных национальностей, проживающих в пределах довоенного польского государства.

В этой работе автор соединил две исследовательских работы. Первая из них в данной публикации является фоном и представляет общую историю депортации и ее причины, а также обзор, как складывалась судьба поляков депортированных в Сибирь и Северный Казахстан. Автор кроме того решил исследовать, как складывалась дальнейшая судьба возвращающихся репатриантов в Польшу, их дальнейшая жизненная и трудовая карьера, как складывалась их личная жизнь, а также тому, какое влияние на их жизнь после возвращения до края имело пребывание на чужбине. Этим проблемам до сегодняшнего дня посвящалось довольно немного внимания, исследователи ограничивались предоставлением коротких биографических справок. Никто до сих пор не погрузился глубоко в эту тему. Современные исследования данной проблемы ограничиваются в лучшем случае представлением обобщенных данных, касающихся трагических условий жизни, в которых

сотням тысяч польских граждан пришлось жить в течение нескольких лет, в отдаленных районах советской империи, а также их трагических отношений с местной властью. Редко кто из современных исследователей коснулся в своих работах темы того, в каких отношениях пребывали депортированные с местным населением либо со ссыльными других народностей, никто не описал того, как относятся депортированные к тому, что им довелось пережить в ссылке. Что им дало пребывание в Сибири? Поэтому необходимым является попытаться исследовать эту проблематику глубже, сделать хотя бы первые шаги к ее изучению. Впервые в истории научных исследований предпринята попытка описать возвращение и дальнейшие судьбы Сибиряков уже в Польше. А также впервые автор исследования опирался, прежде всего, на материал, полученный непосредственно из уст свидетелей и участников минувших событий. До сих пор исследованиям подвергались документы, а также литература, появившаяся благодаря опубликованным дневникам депортированных.

В своей работе автор попытался исследовать судьбы сосланных с так называемых «Восточных Крэсов» в 1940-1946 гг. Автор старался ответить на вопрос: «Какое влияние на их дальнейшую жизнь оказало пребывание на чужбине, как они восприняли Сибирь».

Раздел, посвященный анализу проведенного

исследования, содержит данные, полученные во время обработки анкет, заполненных Сибиряками.

На первом этапе исследования автор активно участвовал в реализованных через Союз Сибиряков и Клубы Сибиряк программы (празднование памятных дат, экскурсии по святым местам, дни рождения). Это позволило завязать дружеские отношения с Сибиряками, а также провести среди них опрос посредством анкет и интервью.

Был также проведен анализ литературы касающейся мартирологии как научной, так и популярной (дневники депортированных поляков).

Исследование продолжалось с ноября 2003 по май 2005 гг. За это время было опрошено 100 человек, из них интервьюировано 30 человек, анкетировано 70 человек.

Респонденты во время депортации в Сибирь были в большинстве своем детьми (средний возраст респондентов на момент депортации в 1939 г. составил 9 лет). Поэтому анкеты были направлены на выявление информации, связанной с детскими воспоминаниями, которые заметно, как оказалось в ходе исследования, отличались от воспоминаний взрослых. Респонденты зачастую припоминали малозначительные факты, не имеющие значения для данного исследования. Были проблемы, связанные также с внутренней борьбой респондентов, нежеланием разговаривать на интересующие исследователя темы.

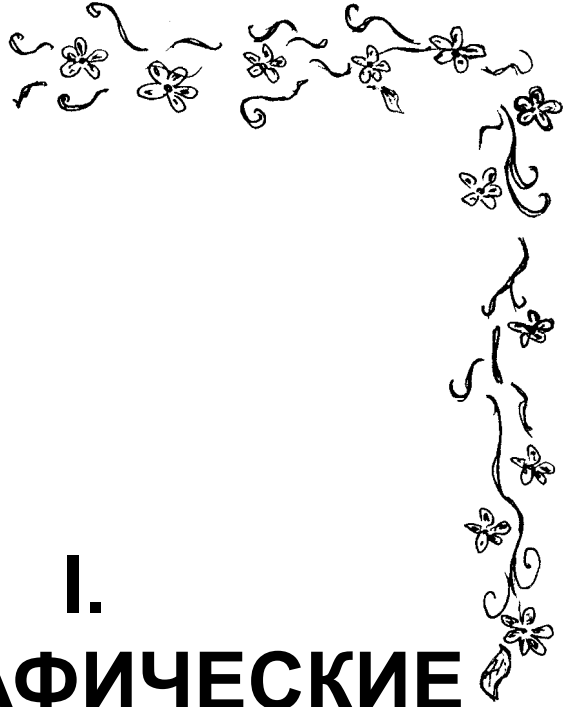
Воспоминания польских Сибиряков, их оценка совсем недавних, по меркам истории, событий, очень важны нам – полякам, лицам польского происхождения, проживающим в настоящее время в Российской Федерации.

В конце 80-х гг. прошлого века в связи с демократизацией российского общества начинают возрождаться польские общественные организации во многих городах Сибири. Все эти организации объединяет Федеральная национально-культурная автономия «Конгресс поляков в России». Открываются старые и даже строятся новые костелы. Дети и взрослые имеют возможность изучить язык своей далекой исторической родины, а также и посетить ее.

Однако нам стоит помнить события ушедшего века и не допускать ошибок в будущем, не допускать повторения уже пройденного горького опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Митина Н. Во глубине сибирских руд. М., 1966, С.11-13.
2. См. Скоробогатова Н.Н. Иван Иванович Крафт (1864-1914) – Енисейский губернатор // Поляки в Приенисейском крае. Сборник материалов под ред. Леончика С.В. Абакан, 2005. С.98-105.
3. См. Антоний Кучинский. Поляки в Сибири. Через призму ссылок и научного изучения. // Поляки в Приенисейском крае. Сборник материалов под ред. Леончика С.В. Абакан, 2005. С.9-19.
4. Masiarz W. Migracja chłopów polskich na Syberię w końcu XIX i na początku XX wieku // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wrocław, 1998, s. 242.
5. Там же.
6. Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». – М. -1997. С.4-9.

I.
**ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
РАМКИ**

КРЭСЫ. ТЕРРИТОРИЯ И ЛЮДИ

Термин «Крэсы» ассоциируется с территорией, которая находилась на восточных рубежах Польши перед Второй мировой войной. Со временем понятие Крэсы стало синонимом малого Отечества для поляков, которые появились на Крэсах в начале XVI века. С половины XVI до конца XVII века сформировалось специфическое самосознание жителя приграничных районов.¹

В предвоенной Польше название Северо-Восточные Крэсы означало регион, заключающий в себе несколько разных составляющих в географическом и историческом смысле. В те времена в его состав входили такие области, как: Вилейская, Новогрудская, Полесская и восточная часть Белостокской.

В состав Юго-Восточных Крэсов входили такие области, как: Волынская, Тарнопольская, Станиславская и часть Львовской области на восток от реки Сан.²

В 1939 г. войска СССР оккупировали 52% польских территорий (Восточные Крэсы). На этой территории проживало около 14 миллионов польских граждан. Из них 8,7 миллионов белорусов, литовцев, украинцев и евреев, а также 4,7 миллиона поляков.³ Одновременно постановлением Верховного Совета РСФСР от 02.11.1939 года проживающие в данный момент на этой территории автоматически получили

советское гражданство и паспорта.⁴ Начались репрессии, которые прежде всего были направлены на людей «политически неблагонадежных», связанных с Республикой Польша.⁵ Ими были государственные служащие и высший военный состав, в котором были солдаты-резервисты, полиция, а также солдаты Корпуса пограничной службы. Тем самым были разрушены социально-политическая и экономическая структуры, создаваемые поляками в данном регионе долгие годы. Чтобы обеспечить условия для создания однопартийной системы власти, были ликвидированы всевозможные политические партии, а также организации национальных меньшинств. Ликвидирована также организация украинских националистов, т.к. ее посчитали антисоветской. Были уничтожены и всевозможные неполитические социальные организации.

Такая деятельность привела к ассимиляции Восточных Крэсов, а также не только к уничтожению польских корней, но и к исчезновению навсегда польского народа на этой территории. Официально Восточные Крэсы как часть территории Польши перестали существовать с 1944 г. После подписания Ялтинского⁶ договора были установлены новые границы польского государства. С того времени Польше принадлежит только маленький кусочек Крэсов. Все остальное оказалось под властью Советов.

ИЗ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ КРЭСОВ ВО ВРЕМЕНА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВТОРОЙ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

Идея колонизации территорий, которые покидали прусские войска, а их место занимали советские и польские войска, родилась 17 декабря 1920 г. Сейм принял два декрета: «О принятии в пользование земель Северо-Восточных регионов Речи Посполитой», а также «О раздаче этих земель колонистам» (ими были преимущественно демобилизованные участники польско-советской войны 1919-1920 гг.). Единственным препятствием для реализации этих декретов был вооруженный конфликт между польской и советской стороной, который удалось погасить после заключения мирного договора о разделе белорусских и литовских земель между Польшей и Советской Россией в Риге 18 марта 1921 г.

Весной 1921 г. первые группы осадников с семьями, собранные в так называемые рабочие колонны, прибыли на Крэсы, организуя там поселения, которые в первую очередь занялись сельским хозяйством. Благодаря этому началось активное освоение восточных земель. Идея колонизации была негативно воспринята в обществе, и уже в 1923 г. она была остановлена. В течении трех лет 7 354 чел. осадников получили в свое пользование 133 146 гектаров

земли, пустовавшей до того времени, либо принадлежавшей крупным землевладельцам.

Колонизаторы, объединившись, создали Союз поляков, который занимался не только решением вопросов социального характера, но и политического. В сферу социального направления этого Союза входили: обеспечение колонистов сельскохозяйственными инструментами, зерновыми, скотом, а также строительство дорог и объектов социальной сферы (школ, магазинов, костелов, сберегательных банков). В сферу политических интересов входила пропаганда среди местного населения, организация совместных проектов культурно-массового значения. Создавались благоприятные условия для общественно-культурного развития национальных меньшинств. Существовало большое число польских школ разного уровня, доступных для коренного населения. В школах дети изучали не только польский язык, но и украинский, белорусский, литовский, что привело в значительной мере к стиранию границ между представителями разных национальностей и конфессий (польские дети знали не только родной язык, но и язык коренных жителей, а те, в свою очередь, получили возможность получения должного образования). Из воспоминаний: «Мой папа был сыном католического священника, а мама дочерью местного православного попа. У нас в доме и у многих смешанных семей, как наша, всегда было два праздника – католический и православный. Мы ходили и в костел, и в церковь. В школе было два

языка – польский и украинский». Большинство колонистов имели среднее образование, что позволило создать на этих землях общество высокой культуры. Переселенцы научили местных жителей (украинцев и белорусов) современным методам обработки сельскохозяйственных угодий и ведения сельского хозяйства.

Благодаря современным методам обработки земли, из Крэсов в центральные районы Польши хлынул поток изобилия в виде дешевого зерна и мяса. Начали поговаривать что «богатство Польши Крэсами прирастать будет!» Тем более трагичным был процесс уничтожения и выселения поляков с Крэсов, который наступил в связи с захватом Красной Армией этих земель 17 сентября 1939 г. и длился до 1947 г. По мере наступления Красной Армии с самого начала органы НКВД приступили к так называемой зачистке – в первую очередь были арестованы все офицеры польского войска, полицейские и пограничники, общественные и политические руководители, представители интеллигенции, крупные землевладельцы и государственные служащие.⁷

Советское государство в 1930-1940 гг. осуществило целый ряд массовых операций, жертвами которых стали поляки. В результате имевших место на Крэсах «польских операций», являвшихся частью Большого террора, наступила «советизация», что в свою очередь привело к исчезновению поляков на Крэсах.

Можно выделить четыре наиболее массовые

репрессивные акции на этих землях.

Одна из первых репрессивных компаний охватывает период с 20-30 гг., и касается около 1,5 млн. польских граждан, которые, благодаря Рижскому⁸ договору, подписанному в марте 1921 года, оказались за восточной границей Польши. Именно эти граждане были в первую очередь репрессированы: расстреляны или сосланы в Сибирь.

Новые репрессивные акции последовали вскоре после захвата Советским Союзом в сентябре 1939 г. довоенного польского государства, и длились до июня 1941 г. На этом этапе происходили самые массовые и кровавые репрессии польского населения. Расстрел 21 872 военнопленных польских офицеров в Катыни, Твери, Медном и Харькове.⁹ В период с 10 февраля 1940 г. по июнь 1941 г. были проведены четыре массовые депортации польских граждан (1-я 10 февраля 1940 г., 2-я 13 апреля 1940 г., 3-я 29 июня 1940 г., 4-я май-июнь 1941 г., которую приостановила немецко-советская война).

Из воспоминаний: «Наш эшелон был последний. Мы надеялись на то, что немцы нас спасут. Наступило 22 июня – пошли третьи сутки как нас погрузили в вагоны и не выпускали. С утра было слышно, как бомбят близлежащие города. Эшелон тронулся – в полдень нас догнали немецкие самолеты, расстреливали вагоны, пытались взорвать паровоз. К сожалению, им не удалось остановить эшелон. К сожалению! – да, потому что из нашего вагона, в котором находилось 40 человек, из Сибири вернулись только

двое – я и мой брат. Остальные погибли от голода и холода, непосильной работы».

Преследование поляков не закончилось ссылкой в Сибирь. Оно усилилось весной 1943 г. в связи с открытием правды об уничтожении польских офицеров в Катыни. Польские власти требовали незамедлительного расследования этого дела. В связи с этим Сталин разорвал дипломатические отношения с Польшей. Это привело к так называемой паспортизации польских граждан в 1943 г. – насильной паспортизации. 16 января 1943 г. польские граждане, находящиеся на территории СССР, официально утратили свое гражданство и автоматически стали советскими гражданами. Паспорта выдавали органы НКВД, все чаще пользующиеся в ходе операции угрозами, а также насильно заставляя поляков подписывать документы. Из воспоминаний: «Наших мам вызвали в НКВД, которое находилось в 30 километрах от нашего поселка. Вызвали, чтобы вручить советские паспорта. Мамы отказались подписывать какие либо документы – понимая, что тем самым потеряют навсегда возможность вернуться на родину. Их закрыли в КПЗ и предупредили, что если не подпишут, то их сошлют в лагерь, потому что они нелегально пребывают на советской территории, а детей отдадут в детдом. На следующее утро мамы все подписали». «Нашу маму вызвали в НКВД для получения советского паспорта – больше мы ее не видели». «Когда я отказалась взять советский паспорт, то нкаведэшник меня бил до тех пор, пока я не согласилась подписать

бумаги». В результате этой акции 160 тыс. поляков получили советское гражданство, около 2000 (те, кто отказался от советского гражданства, не подписали документы) за нарушение паспортного режима были арестованы и направлены в ИТЛ.¹⁰ Но были и такие, которым ничего не сделали за отказ принять советское гражданство. Охотно воспользовались возможностью получения советского гражданства украинцы и белорусы. Получение гражданства автоматически снимало с них статус ссыльных и приравнивало в правах и льготах к советским гражданам. Каково же было разочарование, когда поляки (те, кто мог доказать свое польское происхождение) реэвакуировались в Польшу. Украинцам и белорусом этого не позволили сделать. Из воспоминаний: «Вы – советские граждане, вам нельзя в Польшу! Этот приговор слышали многие наши соседи по неволе. В поселке было несколько польских семей, а выехать на родину разрешили только двум. Двое не выдержали мысли о том, что не вернуться на родину, и повесились в тот же день».

За вступлением в 1944 г. Красной Армии на территорию Польши последовала новая длительная репрессивная кампания. Имели место аресты, депортации в глубь СССР, а также, казни членов Армии Крайовой (польское антигитлеровское подпольное движение). В ходе массовых облав «операций по очистке тыла»,¹¹ проводимых органами НКВД, были интернированы десятки тысяч поляков без вынесения приговора. Поводом для арестов, как правило,

служили обвинения в диверсионной, террористической и шпионской деятельности, направленной против установления просоветского режима в Польше.

Последний этап «польских операций» не менее трагичен. Коснулся он поляков, которые после войны не захотели освободить своих хозяйств, надеясь на то, что при советской власти также смогут вести их. Крэсы были их родиной, и они не допускали мысли, что им придется поехать в неизвестность, т.е. в Польшу. В связи с подписанием Тегеранско-Ялтинского¹² договора, который признал права Советского Союза на захваченные в 1939 г. территории, т.е. Крэсы, несколько миллионов польских граждан оказалось за восточной границей Республики Польша. В течении нескольких лет польские власти настаивали на депортации этих граждан в Польшу, в результате вернулось около 750 тысяч человек.

ДЕПОРТАЦИЯ ПОЛЬСКИХ ГРАЖДАН В РСФСР В 1939-1941 гг.

Как уже было сказано выше, автор данного исследования ограничился имевшей место советской оккупацией восточных польских земель, которая длилась от сентября 1939 до июня 1941 г. За это время было проведено 4 депортационных кампании, в результате которых на восток было сослано более 2 млн. польских граждан.¹³ Массовые репрессии и депортации народов были одним из важнейших инструментов советской власти. Эти действия привели к тому, что многие народы практически перестали существовать. Ведь людей депортировали в необжитые районы Сибири и Восточного Казахстана, где они поголовно умирали от голода и холода.

К сожалению, нельзя установить более-менее точно, сколько было депортировано поляков за этот период, разные научные исследования этого вопроса дают разные результаты.

По утверждению польских представительств, работавших в СССР в 1941-1942 гг., количество депортируемых поляков составило приблизительно 960-1270 тыс. человек.¹⁴

Как утверждают советские исследователи этого вопроса, было вывезено от 300 до 314 тыс. польских граждан.¹⁵

В результате совместного исследования,

проводимого в начале 90-х годов польской общественной организацией «Карта» и российской общественной организацией «Мемориал», удалось составить поименные списки 676 тыс. ссыльных польских граждан.

Все депортации 1940 г. были проведены по решениям высших органов власти СССР – Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета народных комиссаров.¹⁶

Из директивных документов высших органов власти, а также материалов НКВД СССР видно, что в ходе каждой из четырех депортаций 1940-1941 гг. были выселены разные категории граждан, каждая из которых в тогдашней делопроизводственной терминологии имела свое название¹⁷ и на поселении содержалась, как правило, отдельно от других.

– **10 февраля 1940 г.** (спецпереселенцы-осадники) была проведена первая из четырех депортаций поляков в Сибирь, т.к. советская власть боялась вооруженного восстания на захваченных территориях. Как утверждает польская сторона, было вывезено около 400 тыс. человек (по данным НКВД, было вывезено 139 299 чел.).

Эта акция была заранее спланирована и разработана во всех мелочах, были созданы специальные группы, которые шли вслед за советскими войсками. Главной задачей этих групп было проведение массовых арестов по заранее составленным спискам. В этих списках прежде всего оказались лесники, полицейские, солдаты-резервисты, солдаты Корпуса пограничной службы,

а также семьи государственных служащих и общественных руководителей, купцов и фабрикантов. Эти группы были депортированы в основном в Архангельскую, Омскую, Новосибирскую области, Красноярский и Алтайский края, Коми АССР.¹⁸ Основная масса депортированных была размещена в леспромпхозах и специальных поселениях.

– **13 апреля 1940 г.** (административно-высланные) были депортированы семьи арестованных ранее политически неблагонадежных (всех тех, чьи отцы, братья и сестры находились в лагерях и тюрьмах). Были это женщины и дети, а также их родители, в основном, жители городов. В этот период было депортировано около 320 тыс. человек (НКВД – 60 351 чел.). Депортированных вывезли, в основном, в Казахскую АССР. Половина из них была размещена в колхозах и совхозах, остальных направили в спецпоселки и в строительные бригады, занимавшиеся строительством железной дороги и оросительных каналов. Некоторые спецпоселки были организованы в степи с неизвестной до сегодняшнего дня целью.

– **С июня по июль 1940 г.** (спецпереселенцы-беженцы) было депортировано около 400 тыс. человек (НКВД – 76 246 чел.). На этот раз были депортированы в основном беженцы с районов центральной и западной Польши, а также было арестовано 16 617 одиноких и около 4 767 польских военных и бывших полицейских из Литвы.¹⁹

– **В результате** проведенных операций по

массовому выселению в мае и июне 1941 г. (ссылкопоселенцы) в ссылку оказалось более 300 тыс. человек, в основном, жителей приграничных районов (35 540 фермерских хозяйств). В этой группе депортированных оказались те, кого посчитали неблагонадежными (для депортации достаточно было анонимного доноса на соседа), среди них было много представителей польской интеллигенции. Они были высланы, в основном, в Новосибирскую область, Красноярский и Алтайский края.

Депортации поляков не остановил ни договор с Польским правительством в 1941 г., ни конец войны. В ходе освободительной операции советских войск от немецких захватчиков было депортировано как минимум 200 тыс. человек. Ими оказались в основном представители польского партизанского сопротивления (Армия Крайова), воевавшие рука об руку с советскими солдатами против немецких оккупантов. Были депортированы также жители Забужаньских районов, Мазур и Шленска. Как правило, депортации подверглись люди, не имевшие никакого отношения ни к националистическому движению, ни к партизанам, у многих родственники были убиты фашистами и националистами. В основном, это были крестьяне, интеллигенция, выступавшая за независимость Польши. Всего, по данным польских исследователей, были депортированы десятки тысяч поляков. Многие были арестованы просто на улице и без суда и следствия переселены на территорию от Красноярска до Магадана.

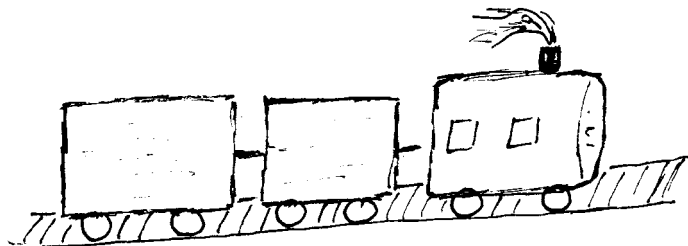
Для большинства депортируемых в Казахстан путешествие должно было закончиться в пустой степи. Их размещали на территории, где не было никаких населенных пунктов. Ситуацию в Казахстане, с которой они столкнулись, лучше всего иллюстрируют слова одной из депортированных женщин: «...на месте не было ничего, только ветер и трава, да еще выкопанный колодец».²⁰ Только немногие попали в уже заселенные районы. Дети и старики часто не достигали места поселения из-за трудностей путешествия: голода и отсутствия элементарных гигиенических средств. По некоторым данным, смертность среди выселенных достигала примерно 20-25% в дороге при депортации.²¹

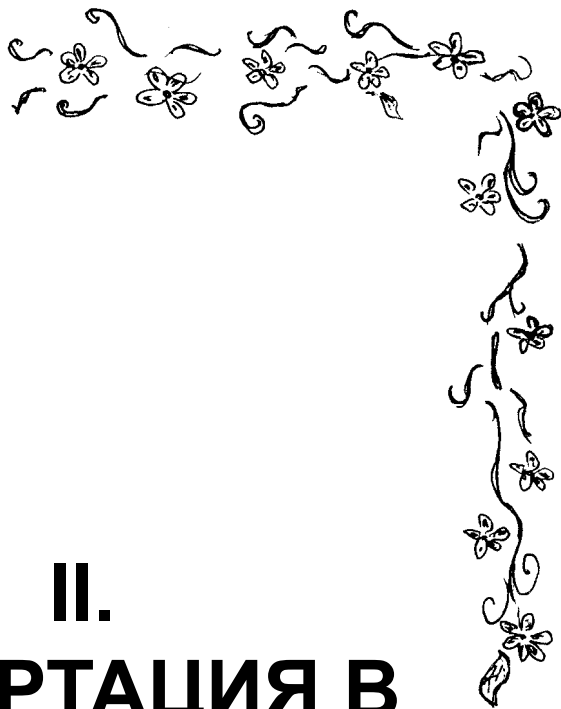
Те, кто попал на место назначения, в суровых условиях восстанавливали «народное хозяйство страны» и свою жизнь. Поселения строили в степи, названиями их были чаще всего номера, назначаемые планировщиками-геодезистами. Ими пользовалась и администрация, и жители. Позднее начали давать им имена собственные, причем не всегда это были русские названия. Из воспоминаний: «В некоторых случаях людям удавалось дать название по своему желанию». Деревни Кокчетавской области чаще всего получали названия, напоминающие Украину. Так на карте Казахстана появились Березовка, Черниговка, Вишневка, Волыnsk и другие, а в Сибири: Белосток, Виленка.²² Несмотря на то, что побег был и так невозможен, население подвергалось суровому режиму. Статус «спецпереселенцев», который стал

их участием, был однозначен с ограничением личной свободы и необходимостью ежемесячной отметки в комендатуре. Из воспоминаний: «Комендатура была в соседнем поселении, в отдаленном на 30 километров. И в зной, и в лютый мороз нужно было нам идти и отмечаться». Было запрещено ведение переписки с близкими, отказано в праве обучения на родном языке.²³

В сумме, начиная от 1920 г. до 1950 г., советская Голгофа востока поглотила около 9 млн. поляков (по данным польских исследователей).²⁴ Из них - 1млн. 400 тыс. это смертные приговоры.

В результате польско-советских договоров 1946 г., а также декрета от 22 мая 1955 г., подписанного Верховным Советом СССР, и договора от 22 августа 1957 г. (о передаче Польше польских граждан, пребывающих в Советском Союзе) часть поляков смогли вернуться на родину. Территорию СССР в 1946 г. покинуло 460 тыс. человек, а в 1950 г. – около 60 тыс. человек.²⁵ К сожалению, репатриацией не были охвачены все польские граждане в силу ряда причин. На период 1950 г. в СССР оставалось около 1,4 млн. поляков.²⁶

II.
ДЕПОРТАЦИЯ В
ВОСПОМИНАНИЯХ

ОБЩИЕ ДАННЫЕ РЕСПОНДЕНТОВ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

По результатом проведенного исследования можно утверждать, что процент родившихся в центральной и западной Польше равен – 15,3% (те из респондентов, кто на момент депортации пребывал на Крэсах у родственников, знакомых, проезжали мимо, были на экскурсии), а родившихся на Крэсах - 84,7%, из них практически половина, а это 37,8% респондентов, являются членами семей эмигрантов (осадников, прибывших на Крэсы в 1920-25 гг.), и лишь 33,3% среди опрошенных были коренными жителями Крэсов.

Перед депортацией 32,4% респондентов учились в школе, дошкольников среди опрошенных было 24,3%. Только 5,4% респондентов на момент депортации закончили школу. Средний возраст опрашиваемых в 1940 г. был равен 9 годам.

ДЕПОРТАЦИЯ

Все четыре депортации, имевшие место на польских землях в 1940-1941 гг., проходили по одной и той же схеме, что было обусловлено разработанными ранее стратегическими планами органов НКВД. Были подробно написаны инструкции предпринимаемых действий, касающиеся процесса депортации. В каждом районе, охваченном депортацией, находился штаб состоящий из 3-5 сотрудников НКВД, а непосредственными исполнителями были специально подготовленные опергруппы, состоящие из одного специально обученного для этих целей офицера и нескольких солдат, как правило, из местного ополчения.

Опергруппы, проводившие выселение, появлялись обычно на рассвете. Чаще всего в сопровождении нескольких представителей местных властей и органов правопорядка (евреи либо украинцы).

Кандидатам на выселение обычно сообщалось, что подписан приказ об их выселении, что подтверждает 13,5% опрошенных. После объявления о выселении проводилась ревизия, якобы с целью поиска незарегистрированного оружия (что подтверждает 18% респондентов). В процессе ревизии нередко пропадали ценные вещи (6,3% опрошенных). Результатом ревизии был общий балаган: «разбрасывали все, что попадало под руку» – со слов 25,2%

опрошенных. Бывало, что ревизия выглядела таким образом: «...поверхностно осмотрев вещи, для вида, т.к. только открывал и закрывал шкафы в ходе этой операции, объявил – собирайтесь, переселяем вас в другую область». Иногда старшие группы спрашивали, куда семья хотела бы переехать – в Германию или в Россию (ничего не подозревавшие жертвы, уверенные в том, что, например, их везут в Германию, открывали для себя правду, что везут их в Сибирь, находясь уже в вагонах, следовавших на восток). Чтобы уговорить детей как можно быстрее собраться, им обещали, что их повезут к отцу. Эффект всегда был один и тот же – дети быстро собирались, не спорили, в надежде на то, что снова увидят отца. После проведения ревизии попавшим под депортацию гражданам давали время на сбор вещей.

В нарушение инструкции время, отведенное на сборы, составляло около 30 минут (7,2%), иногда на сборы давалось всего лишь 10-20 минут (9,9%). Почти 18,9% опрошенных утверждают, что на сборы вещей было отведено 1 час и больше. Время на сборы увеличивалось в зависимости от того, сколькими семьями опергруппа одновременно занималась.

Что именно и в каком количестве депортированные могли взять с собой, в большинстве случаев зависело от руководителя опергруппы и от того, каким транспортом опергруппы располагали на данный момент. Около 4,5% респондентов так описывают

события: «никто из местных, а также из близлежащих деревень не хотел нас отвезти на станцию. Только через 3 часа энкавэдэшникам удалось уговорить какого-то украинца с другого района. Когда офицер нас спросил: «Почему никто не хочет вас отвезти?» услышал в ответ: «Потому что нас любят и уважают».

Чаще всего офицер лично руководил сборами, позволяя брать конкретные предметы: «уговаривали нас брать с собой как можно больше вещей» – так утверждает 24,3% респондентов. По-разному выглядела ситуация со сбором продуктов. Некоторые опергруппы придерживались инструкции «взять еды на месяц», – так утверждает 30,6% опрошенных. В некоторых случаях количество продуктов резко ограничивалось, их должно было хватить на несколько дней, что подтверждает 25,2%. Были случаи, когда выселяемым не разрешалось покидать помещение, в котором они находились, что не позволяло взять свои продукты, т.к. в большинстве случаев продукты хранились в отдельных помещениях: «Мы взяли немножко хлеба и каши». В некоторых случаях на данный момент в семье из продуктов ничего не было, в нескольких случаях офицер разрешал взять помощь от соседей в виде нескольких булок хлеба, окорока и мешка сухарей.

Ситуация со сбором одежды и подручных инструментов тоже бывала разной: «Когда офицер узнал из документов, что отец работает кузнецом, то приказал взять с собой все инструменты – там

тебе все пригодится». В некоторых случаях депортированные получали приказ брать столько, сколько смогут унести, что подтверждают 26,1% опрошенных: «Нам разрешили взять каждому по небольшой сумке». В большинстве случаев офицеры НКВД не только советовали, что взять с собой, но и помогали упаковывать вещи: «Старший по званию, видя, как мама мечется между нами, детьми (нас было 7, самая младшая 7 месяцев, самая старшая 14 лет), не зная, с чего начать, дал нам время до обеда. Солдату, который с нами остался, приказал: ждать до того момента, пока хозяйка не скажет, что готова к выезду. Позволил маме брать все, что войдет в большие сани. Посоветовал взять как можно больше теплых вещей, кухонных принадлежностей. Уговорил маму взять с собой швейную машинку и сам лично привязал ее к саням. Эта машинка стала нашей кормилицей в ссылке – мама шила и переделывала местным жителям вещи, зарабатывая тем самым на хлеб». Был случай, когда офицер выбросил машинку из саней и не позволил взять ее с собой: «Мама сопротивлялась, заявляла, что без швейной машинки никуда не поедет. В это время соседки окружили сопровождавших офицера солдат, угощали их папиросами и водкой, уговаривали их, чтобы позволили маме взять швейную машинку, т.к. она швея и этим заработает хлеб для детей. Только после того, как офицер был вынужден нас покинуть и идти в другой дом, удалось уговорить солдат, которые

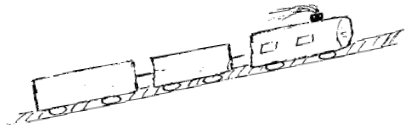
неохотно согласились. Швейная машина спасала нам жизнь, т.к. была единственной возможностью заработать на хлеб. Заказов было очень много, т.к. на расстоянии несколько десятков километров эта швейная машинка была единственной». Больше всего случаев человеческого отношения опергрупп к депортированным проявилось в апреле 1940 г.

К сожалению, в большинстве случаев во время арестов опергруппы вели себя «по-свински», недостойно, пугали, кричали, иногда даже и били. Во время таких ситуаций ни в чем не повинные люди не имели не только возможности подумать над тем, что нужно взять с собой, но и просто не имели времени. Поэтому бросали в корзину все, что попадало под руку (обычно такие вещи оказывались абсолютно ненужными в суровой Сибири), т.к в ряде случаев пострадавшим сообщалось, что их перевозят в соседний район. Поэтому они брали только самое необходимое: драгоценности, деньги, документы, немножко вещей, в надежде на то, что они вернуться за остальным позже. Такие семьи, абсолютно не подготовленные к дальней дороге, к суровым условиям Сибири, гибли в первую очередь.

Грубые нарушения, недобросовестное отношение к своим обязанностям некоторых опергрупп привели к тому, что только 39,6% опрошенных смогли взять с собой все необходимое для того, чтобы выжить. К сожалению, депортированные не представляли себе, что им может пригодиться в ссылке, – брали с собой

ненужные вещи, например, украшения, которые в Сибири были никому не нужны и ничего не стоили. Только 30,6% опрошенных смогли взять с собой, кроме вещей и продуктов, книжки, библии, семейные фотографии, архивы. Как утверждают 25,2% респондентов, несмотря на попытки забрать с собой некоторые из вышеперечисленных предметов, солдаты им не позволили, буквально вырывали предметы у них из рук. Бывало и так, что проводилась ревизия собранных вещей, в результате чего половина из них была отброшена. Как правило, опергруппы сопровождали также евреи из народной милиции, которые больше всего воровали.

Были случаи, когда данная семья, предназначенная к ссылке, практически не имела никаких вещей, т.к. они приехали в гости к родственникам, либо к главе семейства, который в данном городе работал (3,6%). Бывало и так, что включали в списки ссыльных случайно находившихся в доме в данный момент людей, знакомых или родственников (дедушка, бабушка, тетя) – 9% опрошенных.

УСЛОВИЯ, В КОТОРЫХ ПРОХОДИЛА ДЕПОРТАЦИЯ

Переселенцев привозили на станцию в санях, на телегах либо на машинах. На станциях формировался состав из товарных вагонов, специально для этих целей приспособленных. В таких вагонах слева и справа из досок были сооружены нары в несколько ярусов, посреди вагона располагалась буржуйка, возле дальней двери, за буржуйкой, была вырезана дырка (служила туалетом). Большинство депортированных так вспоминает это событие минувших лет: «Шум, плач и холод – так нас встретил полумрак телячьего вагона с голыми нарами и дыркой в полу вместо туалета». Только в одной из анкет указано, что условия в вагонах были хорошие. Такой состав обычно перевозил от несколько сотен до 2 тыс. человек.

Как утверждает большинство опрошенных, количество людей в вагонах было больше нормы: администраторы эшелонов старались не разделять семьи, которые были достаточно большие. Чаще всего в вагоне находилось от 30 до 40 человек (29,2%), иногда количество человек в вагоне доходило до 60 (4,5%): «Теснота и духота – так много набили человек в вагон, что двери кое-как закрылись. В вагоне было так тесно, что людям приходилось сидеть друг у друга на коленях». Однако в большинстве случаев в вагоне находилось от 20 до 30 человек, что

подтверждают 36,9% опрошенных: «Поезд тронулся среди крика, плача и молитв, патриотических песен. Целый городок и родственники арестованных с близлежащих деревень пришли, чтобы с нами проститься, с некоторыми – навсегда».

Разными были также условия обеспечения продуктами питания во время следования эшелона со ссыльными. В большинстве случаев (63%) так называемые горячие обеды выдавали после Смоленска (бывшей Польско-Советской границы). До Смоленска, независимо от того, сколько поезд ехал, вагоны не открывали. Если в некоторых эшелонах горячие обеды выдавались достаточно регулярно (каждый день - 27%), в остальных же случаях время от времени – 18%, 2-3 раза в течении всего времени - 22,5%. Из воспоминаний 4,5% опрошенных: «В течении всего времени следования нашего эшелона мы не получили ни разу ничего из продуктов и воды». В основном горячие обеды состояли из кусочков хлеба, горячего супа, происхождение которого невозможно было установить, и каши.

Из воспоминаний: «По дороге нам несколько раз давали хлеб. Надо сказать, что мы не были привыкшие к такому хлебу, поэтому ели свой, а тот, что получали, меняли на станциях на воду и овощи, молоко. Этот хлеб был сделан главным образом из отрубей, но я считаю, что это не совсем так: просто-напросто мы уже забыли о таком хлебе, сделанном из муки низкого качества. Как мне кажется, хлеб, который получали солдаты перед войной, так называемый «комищьяк», был очень сильно похож на советский, с тем, что в Польше в хлеб

добавляют больше ржаной муки, а в этом больше пшеничной»).

В большинстве случаев нормой было одно ведро супа и одно ведро кипятка на вагон. Самой главной проблемой для находящихся в вагоне была не нехватка продуктов питания, а нехватка необходимого для жизни количества воды. Воды не хватало по разным причинам: либо ее вообще не давали, игнорируя просьбы находящихся в вагоне людей, либо из-за отсутствия тары. Из воспоминаний: «В нашем вагоне не было ни одного ведра, только несколько банок и стаканов, из-за этого мы получали по полстакана воды на человека». Только 27% опрошенных имели возможность во время стоянок набирать воду по норме (два ведра на вагон). Следующим неблагоприятным фактором (30% опрошенных) с угрозой для жизни депортированных был мороз (первые два этапа депортации проходили зимой, когда мороз доходил до - 40). Если учесть, что такой транспорт следовал до станции назначения около месяца, а вагоны были абсолютно не подготовлены для такого путешествия, то результатом была большая смертность в эшелонах.

С другой стороны, депортированные в двух следующих этапах (лето 1940 и 1941 гг.), находились под действием высоких температур, и если учесть постоянную нехватку воды, то такое путешествие становилось настоящим кошмаром. Раскаленный воздух в вагоне, который невозможно было проветрить, т.к. в нем было всего 2 маленьких отверстия, что также являлось причиной многих смертей. В таких нечеловеческих

условиях погибали прежде всего старики и маленькие дети.

Как утверждают 42,3% опрошенных, их путешествие длилось от 2 до 4 недель, от 6 недель до 3-х месяцев – 27,9%. Все зависело от того, как долго поезд стоял на станциях, а также от того, где находился пункт назначения.

«Железнодорожный тупик, Конец железной дороги, Павлодар. Выгружаемся. Телегами нас везут на площадь, огороженную забором из глины, как в восточных сказках. Первая встреча с вшами. После 2-х дней ожидания нас грузят в грузовики и везут в степь, все дальше и дальше. Ян, где мы? Мне кажется, что в Азии – говорит Ян, а эти косоглазые и те, похожие на наших, это, наверное, казахи в своих народных одеждах. Если так, то здесь должно быть очень тепло. Зачем я брал с собой лыжи? (лыжи пригодились – их поменяли на мешок картошки). Приближаемся к какому-то поселению: домики из глины, землянки, только несколько деревянных домов - на них какие-то вывески. Выгружаемся в каком-то дворе, за нами присматривают несколько милиционеров и группа молодых людей с красными повязками – это комсомольцы. Ночь под голым небом, очень холодно – что это за Казахстан? Засыпаем, зарывшись в какие-то тряпки».

В момент приезда транспорта со ссыльными до той или иной ж\д станции назначения наступал последний этап их путешествия. Ссыльных довозили до места назначения дрезинами, грузовыми машинами, конными и собачьими

упряжками, волами, санями, оленями, а также грузовыми кораблями, а иногда даже и плотами. Бывало и так, что за ссыльными никто не приезжал, местные власти отказывались принимать людей: «после нескольких дней стоянки наш эшелон поехал дальше». С которыми не знали что делать, поэтому выгруженные с вещами из вагонов ссыльные были брошены на произвол судьбы: «Мы жили почти 6 месяцев до весны в тех же самых вагонах, в которых нас привезли, было очень холодно, а у местных властей не было никакого помещения». «Мы ждали под голым небом 3 дня, очень было холодно, на улице лежал снег, пока наконец-то за нами кто-то не приехал, 1 человек умер, а я получила воспаление легких и попала в больницу». «Пасха, сидим на мешках с вещами под голым небом, холодно. К нам подошла старая россиянка, дала каждому по яичку, что-то говорила, мы ничего не поняли. Только по истечении какого-то времени до нас дошло, что имела в виду россиянка. Забытые и растерянные, и неизвестное будущее». Так выглядела ситуация с депортационными эшелонами до Казахстана.

С размещением ссыльных, прибывающих в Сибирь, не было никаких проблем. Депортированные, с того момента как покинули вагоны, получали статус «рабов» и в большинстве случаев направлялись в лес-промхозы (лесозаводы), на золотые рудники, в трудовые лагеря и просто в тайгу, где сами себе строили бараки, занимались в основном заготовкой леса.

МЕСТО НАЗНАЧЕНИЯ И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ССЫЛЬНЫХ В СИБИРИ

Одной из наиболее трудных проблем, с которыми с самого начала столкнулись депортированные, было приспособление к значительно более суровому, чем польский, климату.

Очень важным условием, позволяющим пережить суровый климат в Сибири и Казахстане, были соответствующие жилищные условия. Польские граждане, депортированные в СССР в апреле 1940 г. (было таких среди опрошенных - 50%), получили статус²⁷ переселенцев и в большинстве случаев были размещены в спецпоселках на территории Сибири, которые находились под надзором НКВД. Больше всего людей в феврале было депортировано в Европейскую часть России.

Депортированных в апреле 1940 г., а было таких среди респондентов 27,9%, в основном направили в Свердловский, Омский, Молотовский округа и в Красноярский край. Больше всего в этом месяце депортированных попало в Казахстан (27,9% опрошенных). Такое размещение ссыльных было связано прежде всего с тем, что их собирались использовать как дешевую рабочую силу в малоразвитых сельскохозяйственных районах с неблагоприятным климатом, в которых граждане России не соглашались работать. Именно поэтому почти

45% опрошенных практически не поддерживали контактов или были очень ограничены в контактах с местными жителями, поскольку таковых практически не было.

Ссылных чаще всего селили в бараках. Барак обычно был поделен на 2 части, реже на несколько комнат. Чаще всего это были срубы из сосны. Щели между бревнами были заполнены мхом, – единственным подходящим изоляционным материалом в тех местах. Однако мох также был идеальным местом для размножения клопов, тараканов. О том, что ссылные больше всего страдали от клопов, указывает 100% опрошенных: «учительница в школе не могла понять, почему в Польше нет дезинфекционных камер». Вдоль стен барачков размещались двухъярусные нары. Барак обогревала, как правило, одна печка, находящаяся посередине барака, либо две печи, находящиеся на разных его сторонах. Несмотря на то, что печи топили круглые сутки, стены барака промерзали, проступал лед. «Иней на стенах, холодно и темно»

Административные ссылные в Казахстан (апрель 1940 г.) были направлены в русские либо казахские поселения. Большое значение имела развитая инфраструктура либо ее отсутствие. Ссылных, по возможности, размещали группами в имеющиеся в данный момент у местных властей помещения, такие, как: бараки, загоны для скота, землянки, амбары, шалаши (58%). Только

некоторым из опрошенных (24,3%) удалось снять комнаты. Илиш 6,3% опрошенных либо купили себе дома, землянки, либо построили жилье, благодаря чему становились, официально или неофициально, владельцами небольших огородов, на которых выращивали главным образом картошку. Двое из опрошенных утверждают, что имели по корове, неофициально, т.к. ссыльным было запрещено иметь подсобное хозяйство.

Первый год ссылки был самым трудным для большинства респондентов. Незнание местных климатических факторов, усугубляло ситуацию. Прежде всего, местные жители помогли выжить многим поляком. Из воспоминаний «...это добрые люди, в большей степени благодаря им те, кого загнало сюда сумасшествие истории, пережили, и даже смогли найти для себя спокойную пристань». В этих трудных условиях казахи, сами подвергнутые трудным испытаниям со стороны советской власти, помогали им советом, продавали необходимые для жизни продукты. Именно у них поляки и немцы покупали семена картофеля и многих овощей.

Много хлопот было с добычей топлива. Поначалу это была только береза, которую покупали у казахов. Со временем, следуя примеру местных жителей, поляки научились изготавливать кизяк, т.е. коровий навоз, который собирали летом, а осенью формировали в брикеты и сушили. Зерно долгое время мололи привезенными с Украины ручными

жерновами. Те, кто не взял их с собой, вынуждены были на месте раздобыть камни и приспособить их для помола.

Больше половины ссыльных хотя бы раз за все время ссылки поменяло место жительства: «На втором году пребывания в Казахстане мы узнали что Германия напала на СССР. Для нас, поляков, это была надежда на то, что в конце концов мы сможем вернуться на родину. Благодаря тому, что СССР подписал договор с польским правительством, поляки получили свободу перемещения. В то время, когда в России провожали близких на фронт, мы не скрывали своей радости».

Великая Отечественная война вынудила правительство СССР подписать мирный договор о помощи с США и Англией, а уже 12 августа польские граждане получили право покинуть лагеря. На территории СССР в Средней Азии началось формирование польской армии, так называемой «армии Андерса». В армии оказалось 3,6% опрошенных. В связи с отказом генерала Андерса (командующего Польскими вооруженными силами в СССР) вступить в бой из-за не укомплектованности армии, советское правительство резко сократило поставку продовольственных пайков для польской армии. В ситуации обострения взаимоотношений было решено эвакуировать польскую армию в Иран (в два этапа: в марте и апреле 1942 г. было эвакуировано 75 000 польских солдат и 45 000 гражданского

населения), вместе с армией смогли эвакуироваться родственники солдат, среди опрошенных было таких 6,3%.

Благодаря амнистии большинство поляков, получив возможность свободно перемещаться, выехали на юг Казахстана и в Среднюю Азию, т.к. там был подходящий климат. Часть опрошенных (13,5%) переместили в Казахстан по распоряжению НКВД. В 1944 г. часть ссыльных была перемещена на Украину. В основном это были те, кто оказался в так называемых списках «ожидающих репатриации», составляемых Союзом польских патриотов.

ПИТАНИЕ

Следующей немаловажной проблемой для ссыльных было питание. Практически все опрошенные жалуются на то, что голод их преследовал все время ссылки. Из воспоминаний 26% опрошенных: «мы ели все, что можно было съесть». Меню опрошенных в большинстве случаев состояло из дикорастущих в лесу и степи съедобных растений, а также пшеницы, мака, овса. Варили супы из лебеды, лопуха, крапивы. Собирали также дикий чеснок, грибы, ягоды, щавель, орехи, по возможности выращивали лук, капусту и картошку. Летом в больших количествах заготавливали малину, смородину, землянику и т.д. Весной заготавливали березовый сок. Собирали с полей то, что осталось после уборки урожая: «Комбайн не собирал низко растущих колосков, поэтому весной их можно было найти, как правило, уже с проросшим зерном. Пшеница в Казахстане не выглядела так, как у нас: давала плохие всходы, колоски росли так редко, что можно было пройти по полю между ними, не оставляя следов. Собираемых колосков было так мало, что они не могли сыграть в нашей диете какую-то значащую роль, но тем не менее мы, будучи детьми, были очень рады, что могли принести домой хоть что-то».

Бывали случаи, когда добычей голодающих

становились собаки и кошки, вороны, ежи, суслики, птичьи яйца,дохлые домашние животные (что становилось причиной большинства болезней, а иногда заканчивалось трагично – около 2% опрошенных таким образом потеряли своих близких): «Мы работали на току. Потихоньку грызли сырое зерно. Моя подружка в один из дней не выдержала и съела несколько горстей зерна - умерла». Среди опрошенных были такие, у которых на столах появлялся хлеб. Норма хлеба – от 300 до 500 грамм на человека. Там, где был хлеб, был и суп или каша, как минимум раз в день, чаще всего из каш была доступна овсянка. Среди супов были такие, как суп из лопухов и лебеды, баланда (завариваемая мука), картофельный суп, уха. Некоторым удавалось раздобыть молоко или мясо, таких «счастливиц» было 4,5% среди опрошенных. Бывали случаи, когда люди ничего не ели в течение нескольких дней, на что указывают 3% опрошенных. Из воспоминаний: «Все как в тумане, мы не ели уже несколько дней. Вот уже второй день мы (папа, мама, брат, я) лежим на поляне и умираем от голода. Я пытаюсь жевать траву». «После смерти родителей я работала в свинарнике, ела то, что ели свиньи».

РАБОТА

Способы, которыми «добывалась» необходимая для выживания еда, были разными. На первом месте, как подчеркивают опрошенные, была работа. Работало наравне со взрослыми 54,9% опрошенных. Из них 41,4% были детьми до 10 лет. Детей заставляли работать очень простым методом – «Кто не работает, тот не ест». Таким образом у детей, которые не хотели работать, отбирали талоны на питание. А того, что зарабатывали родители, как правило, не хватало на целую семью, так что работали все без исключения. Работали, а иногда и «добывали» пропитание. Попав в Сибирь, поляки столкнулись с неизвестной для них новой формой собственности – государственной. Сибиряки неохотно признаются в том, что им пришлось воровать, так как для всех, без исключения, попавших в ссылку поляков воровство было не только неприемлемо, но и являлось большим грехом. «Никогда мы не воровали у людей, только у государства», «Когда мы насобирали немного зерна на поле и принесли домой, мама спросила, откуда это? Мы ей сказали, что собрали зерно на колхозных полях. Как сейчас помню, мама впервые накричала на нас, сказала, что этого нельзя делать, приказала нам отнести обратно на поле зерно и высыпать. Через 2 года, когда отношения между СССР и Польшей ухудшились, маму выгнали с работы, мы были вынуждены воровать у

государства все, что плохо лежало, чтобы не умереть с голоду». «Мы выходили к железной дороге, на повороте, где поезд сбрасывал скорость, запрыгивали в вагоны, везущие уголь, и сбрасывали куски угля, которые нам были под силу».

Некоторым пришлось просить милостыню: «... мне пришлось идти побираться, с вытянутой рукой я просил у проходящих мимо людей кусочек хлеба, несколько человек сжалились надо мной. Сами были бедными и тем не менее, по возможности, помогали другим». Голодные ссыльные соглашались на любую работу. Если были сосланы в тайгу, то валили лес, работали при лесосплаве, собирали смолу: «Всех детей в лагере заставили собирать смолу – эта работа для нас была настоящим адом, т.к. смола не только не смывалась с рук, но и залепляла волосы, одежду». Так выглядела работа ребенка в одном из сибирских колхозов: «Я был пастухом. Председатель требовал от меня все больше и больше молока, т.к. молоко было необходимо солдатам на фронте. Во время зноя коровы старались забраться в тень, поэтому не паслись, что приводило к тому, что давали меньше молока. Кто-то донес, что это моя вина, что коровы не хотят давать молоко. Мне приказали пасти коров ночью, но те хотели спать. Я пробовал их будить, но, к сожалению, ничего не помогало. Председатель вызвал меня на ковер для отчета. Он угрожал мне. Он сказал что мне уже 14 лет, поэтому я отвечаю за свои действия, назвал меня вредителем, что из-за меня коровы не хотят пастись, что мой отец кулак и пре-

датель, подрывает где-нибудь в Польше советские войска. Поэтому я не достоин того, чтобы ходить по русской земле. Говоря это, грозно смотрел на меня, играя пистолетом».

В Казахстане более 90% опрошенных работали в поле, занимались обработкой земли, сеяли, пахали, убирали урожай, пасли скот. Из них 19,8% окончили ускоренные курсы и получили такие профессии, как: механик, тракторист, кузнец, секретарь, телеграфистка, монтер телефонных линий, медсестра, комбайнер, кирпичное дело, дорожная служба, путейцы. Из воспоминаний: «В году, кажется, 43-м председатель колхоза заметил, что польки умеют вязать, и предложил нашим мамам организовать кооператив. Благодаря этому наши мамы до конца войны имели неплохую работу, да и мы, девочки, тоже. Мы вязали на фронт рукавицы и носки. Приемщицей работала россиянка, она, как и остальные, не умела вязать и ничего в этом не понимала, и мы этим успешно пользовались. Дело в том, что нам выдавали шерсть по весу и принимали по весу, поэтому мы готовые изделия мочили водой, вес увеличивался, и мы могли излишки украсть себе». «Моя мама не умела ничего делать, нам грозила неминуемая голодная смерть. По счастливой случайности у нас во время обыска и ссылки не отобрали карты, а в Сибири оказалось, что россиянки не умеют гадать. Особого дохода с гадания не было аж до того случая, когда одна россиянка получила похоронку и пришла к маме, ища утешения. Мама

увидела в картах, что ее муж жив. Та ей сначала не поверила, а когда получила от мужа письмо через месяц из госпиталя, то готова была носить маму на руках».

Почти 9% опрошенных нигде не работали ввиду того, что имели слабое здоровье (по старости), не имели обуви, поэтому занимались домашним хозяйством: собирали хворост, присматривали за маленькими детьми, просили милостыню.

Депортированные быстро научились русскому языку, поэтому иногда занимали некоторые руководящие должности либо работали бухгалтерами или секретарями.

Респонденты в один голос вспоминают примитивность быта местных жителей и низкий духовный уровень. Примитивное и убогое жилье, называемое землянками в Казахстане. В Сибири – русские печи. Те из депортированных, кто попал в Сибирь, были направлены в специально для них построенные либо пустовавшие спецпоселки «леспромхозы», находившиеся в ведении НКВД. «Леспромхозы» находились обычно в отдалении от селений до 10 километров, а некоторые на расстоянии недели пути трактором.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Около 28,8% опрошенных ссылаются на полное отсутствие какой-либо культурной жизни, остальные говорят, что время от времени что-нибудь происходило. Культурная жизнь зависела прежде всего от образа жизни самих ссыльных и от того, доходила ли до них помощь «делегатур» Кроме организации помощи польским детским домам и всем нуждающимся, «делегатуры» занимались организацией кружков, школ, детских садов, а также разнообразных культурных мероприятий. Участвовало в разного рода кружках по интересам (ставили спектакли, читали книги, газеты) 9% опрошенных. Из воспоминаний: «После Рождества 1944 г. наши пани Юля Вронова, пани Вильчук и пани Томашевска решили (при согласии наших мам) устроить спектакль с патриотическим уклоном. То, что казалось невозможным, стало реальным. Кружок лопался по швам. В партере сидели старики, молодежь и дети. Мы, эмигранты, были горды собой. Мы чувствовали себя победителями. Спектакль начался с польского гимна, потом полонез, мазурка, краковяк, песни военные и харцерские, стихи, а в конце «Господи, что-нибудь Польше». Еще сегодня, несмотря на то, что после тех событий прошло столько лет, на глаза наворачиваются слезы. Аншлаг. Несмолкающее «браво», плач и смех. Одним словом – эйфория».

Некоторые из опрошенных вспоминают, что в округе был польский хор. В некоторых домах, там, где это было возможно, проходили совместные праздники: народные и католические. Много пели патриотических, католических, сакральных песен.

Часть опрошенных утверждают, что не имели возможности читать и не знали никого, кто умел читать. Большинство же из опрошенных имели такую возможность и читали книги. Активно менялись книгами между деревнями. Таким образом книга могла путешествовать на несколько десятков километров. Кроме того, что большинство среди имеющейся литературы было художественными книжками, были также молитвословы и газеты. Поляки также читали книги, газеты на русском языке. «Читали письма россиянкам». Насколько была важна книга в жизни маленьких ссыльных? Может о том свидетельствовать тот факт, что респонденты могли не только описать как та или иная книга выглядела, но и за частую могли по памяти пересказать любую из глав - книг которые читали последний раз 65 лет тому назад.

Основная масса опрошенных на вопрос, Вы играли, находясь в ссылке, ответили однозначно НЕТ. Из воспоминаний: «Мы ни во что не играли, т.к. не было времени либо сил». Там, где только была возможность, автор анкет задавал наводящие вопросы. Таким образом удалось установить, что несмотря на нехватку времени либо сил практически 91% опрошенных участвовали в каких-либо играх. Из воспоминаний: «Мы играли цветными камешками,

деревянными игрушками либо куклами из глины, играли на берегу реки, катались на лыжах». «Всю зиму напролет мы вынуждены были сидеть в землянке, т.к. не было обуви, и иногда мы выскакивали в одних носках на крышу землянки, на которой взрослые делали для нас горку, и скатывались с нее несколько раз, после этого вприпрыжку возвращались обратно в землянку». Среди опрошенных было 28,8% подростков, поэтому они могли принимать участие в различных культурно-массовых мероприятиях устраиваемых взрослыми, которые иногда носили патриотический характер. Все из опрошенных подчеркивают большую музыкальность россиян. Они шли в поле с песней и с песней возвращались.

«Нас с подругой пригласили на бал-маскарад. Я нарядилась медсестрой, а подруга во фрица. Как только мы оказались в зале клуба, наступила тишина... Кончилось наше приключение тем, что мою подругу побили хлопцы».

На каждом шагу служащие НКВД убеждали поляков, что Бога нет. Способы убеждения были примитивны, но действенны. Например, у детей спрашивали: – Почему Бог, видя, что вам плохо, не поможет? Иногда устраивались целые спектакли. На сцену выходил политработник и, обращаясь к Богу, просил у него конфет. Естественно, что ничего не происходило. Потом произносил коронную фразу: – Советская власть, дай конфет! и конфеты сыпались на сцену. Методом кнута и пряника заставляли детей забыть не только Бога, но и кто они есть – поляки.

ШКОЛА И КОСТЕЛ

Очень помогала ссыльным религия, благодаря которой они могли пережить самое страшное. Она была утешением в минуты сомнений и одновременно давала надежду на лучшее. Некоторые из поляков привезли из Польши молитвенники. Религиозную жизнь организовывали женщины, так как не было духовных. Именно они учили молитвам подрастающее поколение, помнили о важных религиозных праздниках, несмотря на запреты, пели церковные песни, переписывали тексты молитв. Культурным феноменом казахстанских поляков стали рукописные тексты, появившиеся из-за отсутствия книг. Чаще всего они носили религиозный характер. Из воспоминаний: «Надежду поддерживала горячая религиозная вера. Боже мой, сколько раз читал я молитвы и ружанец!²⁸ Мы часто пели в наших глинобитных хатах религиозные песни, а на совхозных полях звучали слова песен: О, сердечная Мать; Слушай, Иисусе, как молит Тебя народ».²⁹

В домах скрытно молились – о скорейшем возвращении на родину, о здоровье, о хлебе. Кроме того, родители много разговаривали с детьми о жизни, о политике, о том, как нужно себя вести (63,9% опрошенных). В большинстве семей взрослые следили за чистотой языка, заставляли детей говорить правильно по-польски, читать книги, учили стихи, а также

занимались образованием своих детей – преподавали историю, польский язык, географию. У всех респондентов матери имели педагогическое образование.

Несмотря на трудные условия жизни, почти 36,9% опрошенных посещали русскую либо польскую школу. Из воспоминаний: «Время уходит, а дети, брошенные на произвол судьбы, деградируют. После амнистии пани Залуска выходила у НКВД согласие на открытие полькой школы. Мы собирались через день в большой комнате какого-то дома, получали при этом большую чашку супа и после вкусного обеда учительница учила нас польскому и русскому языку, математике, мы чувствовали, что эта наука очень важна. Я приезжал на занятия на коне из степи, учил домашнее задание тоже на коне, т.к. я работал конюхом. Гоняя стадо коров, я выучил стихотворение «Когда пошел король на войну...». Текст стихотворения учительница диктовала нам по памяти, а мы записывали карандашами между строк какой-то политической листовки, т.к. не было чистой бумаги». В Черногорской польской школе, например, дети писали на сделанных ими же дощечках.³⁰

За все время ссылки школу посещало как минимум в течении 2-х месяцев 9,9% опрошенных. В течении года и более учились в школе 15,5%.

Школа была также и «местом работы». «В Павлодаре дети, посещавшие школу, получали паек – 300 гр. хлеба. Мне кажется, что такой же паек получали жены фронтовиков». «Я был слишком маленьким, чтобы работать, и поэтому осенью

пошел в школу. В школе оказалось что, ввиду плохого знания русского языка я не мог учиться в 4 классе, и мне пришлось повторять третий класс (в третий раз - один в Польше, второй в Сибири и третий в Казахстане). У меня храниться до сих аттестат за 3 класс, в котором все пятерки, но только рисование, пение и физкультура – тройки. Не знаю, было ли это сделано специально или так обычно делали, потому что этих предметов, по которым у меня тройки, в школе не было, т.к. не хватало учителей». Следует отметить тот факт, что школы были организованы в начале 1942 года, до этого за образованием детей никто не следил и никого из местных властей это не волновало. Польские дети как бы не существовали. Лишь в одном случае бывшая ссыльная утверждала, что у них на лесоповале с самого начала, а это 1939 год, была организована начальная школа.

Свидетельство об окончании школы получили 3,6% опрошенных. Посещали школу в польских и российских детдомах 3% респондентов.

ВЛАСТЬ И МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ

В зависимости от того, куда попадали сосланные поляки, разными были и отношения с местной властью. Если в Сибирь, то у большинства депортированных остались плохие воспоминания. В Сибири, а конкретно в трудовых лагерях, где ссыльные чаще всего общались только с представителями НКВД, те относились к своим подопечным как к рабам: «Животные должны быть ухожены, а ты можешь сдохнуть». От ссыльных требовали все большей и большей производительности. Бывало, что начальник лагеря позволял неофициально ссыльным общаться с местными жителями, у которых ссыльные меняли привезенные с собой вещи на еду. Бывало и так, что тех, кто выходил за пределы лагеря, жестоко наказывали: «Нашу маму, которая ночью с другими мамами ходила в соседнюю деревню, подкараулил начальник и посадил в карцер на двое суток, а еду отобрал». «Меня бил начальник лагеря, пока я не потеряла сознание, за то, что я говорила по-польски, больше этого не повторилось, благодаря такому давлению и запрету говорить по-польски мы очень быстро учились говорить по-русски». «Энкавэдэшник часто приходил в барак и стрелял в пол, я его очень боялась».

Все без исключения респонденты рассказывали, как начальник лагеря, поселения, директор колхоза, на допросах в НКВД «...выставлял перед собой ладонь и, тыча в нее указательным пальцем, со злорадством и

удовольствием в обезумевших глазах повторял снова и снова: Вот! когда у меня здесь вырастет дерево! тогда вы вернетесь в свою Польшу!!! Никогда! Забудьте о ней! Ваша Польша больше не существует!».

«Когда началась война, то все энкавэдэшники уехали на тракторах в область, бросив наш лагерь на произвол судьбы. Наш папа сумел починить один трактор и, благодаря этому, нам и еще двум семьям удалось преодолеть полпути до ближайшего города - а добирались мы до него месяц. Была зима, продуктов нет, и нам приходилось есть замерзших русских, попадавшихся часто по дороге. Это энкавэдэшники бросали своих - им тоже было тяжело. Помню, как начальник лагеря рассказывал, что и его сослали сюда за какую-то провинность - поэтому они и зверствовали. Мою сестру изнасиловали, она не выдержала позора и повесилась. Остальные братья и сестры - пятеро, мама, умерли в первый же год от голода. Только мы с братом и папой каким-то чудом выжили. До сих пор ненавижу коммунок и строй их советский».

Лишь 2% опрошенных вспоминают, что в их лагере не было случаев жестокого обращения с заключенными, им вовремя выдавали одежду, обувь, хорошо кормили, обеспечивали работой. До таких мест доходили письма, денежные переводы, а также посылки от родственников. Из таких мест было легко выехать после объявления амнистии, а власти при этом помогали, создавая все необходимые условия, чтобы те, кто хотел выехать из лагеря, могли это сделать в любой момент.

«Начальник лагеря объявил на общем собрании,

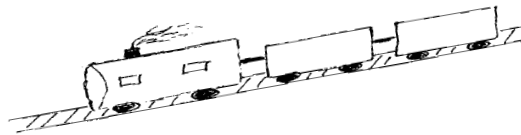
что мы свободны и можем уехать куда захотим. А те, кто пожелает остаться, получают прибавку к зарплате. Никто не остался! Все как один спешно покинули лагерь, начиналась зима и мы спешили потому что заканчивался судоходный сезон»

В большинстве же случаев ссыльным не сообщали об очередных амнистиях и старались держать их в лагере до последнего. Многие вернулись на родину прямо из лагерей, не зная о том, что уже в течение нескольких лет поляки могут свободно перемещаться.

Совершенно иначе выглядела ситуация тех, кого судьба забросила в Казахстан. Представительства НКВД находились только в крупных селениях, поэтому ссыльные полностью зависели от местных властей, которые по отношению к ним вели себя по-разному. Некоторые объявляли их врагами народа, делали все возможное, чтобы жизнь ссыльных не была сладкой. Но чаще, все-таки, вели себя вынужденно - корректно. Дело в том, что руководящие посты занимали русские, не знавшие казахского, а казахи не знали русского. «Как же комично выглядел такой председатель, который не мог объяснить казаху, чего от него хочет. Положение усугублялось тем, что казахи, похоже, никогда не обрабатывали землю и не понимали в этом ничего. Так вот, поляки, на лету схватывали казахский язык и подрабатывали переводчиками».

Те из опрошенных, кто потерял родителей, ввиду их временного отсутствия либо смерти, встретили добрых людей среди россиян. Некоторые жили у соседей или знакомых. Были случаи, когда россияне насильно

усыновляли оставшихся одних детей. «Если бы не старшая сестра, которая приехала за мной и забрала с большим трудом у приютившей меня русской семьи, то я бы навсегда остался в России. Она все время повторяла через слезы, что он поляк и должен вернуться в Польшу». «После того, как умерла наша мама, мы с братом (8 и 11 лет) решили идти в Монголию, там, говорили, нет голода и много поляков. Наш путь пролегал через тайгу, в которой мы заблудились на следующий день. Через неделю у нас закончились продукты, и нам пришлось есть траву, корешки. Похоже, мы чем-то отравились и потеряли сознание. Очнулись мы у тети Даши - так звали нашу спасительницу, она нас называла - сынки. Мы у нее жили довольно долго - около года. Потом она узнала, что недалеко открылся польский детдом, и решила, что мы должны быть со своими. Она сообщила представителям детдома о нас, и за нами приехали, а мы спрятались - нам не хотелось расставаться с тетей Дашей. Представители детдома приезжали за нами несколько раз и в конце концов уговорили нас поехать с ними». «Медсестра в госпитале воспользовалась тем, что моя мама была без сознания, и забрала меня к себе. Мама разыскала меня лишь через 2 года. Когда она меня со скандалом и решением суда на руках (полгода ей пришлось доказывать через суд, что я ее сын) наконец забрала, то мало того, что я ее практически не помнил, так еще и не понимал. Мама говорила по-польски и понимала русский, а я говорил по-казахски. Когда она меня везла к себе домой, то мне пришлось воспользоваться услугами казаха-водителя, через которого я объяснил маме, что хочу есть».

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ ССЫЛКИ В ПОЛЬШУ

Многие вернулись в Польшу с помощью Союза польских патриотов, получив так называемые репатриационные карты (41,4%). Но были и такие, кто покинул СССР самостоятельно при помощи родственников и знакомых, которым удалось, находясь в Польше, оформить так называемый вызов, благодаря чему 23,4% опрошенных смогли вернуться на родину. Остальные возвращались в Польшу через третьи страны.

Массово поляки возвращались в Польшу в 1946 г. Они возвращались организованными группами в таких же вагонах, в каких и прибыли в Сибирь, но теперь они ехали без конвоя. Из воспоминаний: «Мы едем домой!!! Голодные, вшивые, но счастливые. Целый поезд пел от радости и энтузиазма». Возвращение 4,5% опрошенных выглядело точно так же, как и депортация: до того момента, пока они не пересекли польско-советскую границу, оставались под надзором НКВД. Около 30%, получив свободу передвижения, сначала вернулись туда, откуда были сосланы, в надежде на то, что смогут начать новую жизнь. Но увидев, что от их бывшего хозяйства и построек остались только руины, либо земля занята местными украинцами, белорусами, а также продолжавшийся на западе России террор, не задумываясь, воспользовались возможностью репатриации в Польшу (4,5%). Из воспоминаний: «Мы ехали до

Польши, как евреи до Израиля». «Мама твердо решила, что мы в Польшу не поедem! Мы возвращаемся домой. Перед тем, как нас депортировали из (теперь уже) Западной Украины, родители как раз поставили новый дом с надворными постройками, несколько гектар земли. Все это было куплено на мамины деньги - перед войной она была швеей. Мама была уверена, что нас по ошибке сослали, и теперь мы имеем право вернуться на свое. Каково же было ее разочарование, когда на месте дома она увидела только лишь камин. Нам было ее жаль и больно смотреть, как она сидела несколько часов возле этого камина и плакала. У нее не осталось выбора. Нам пришлось репатриироваться в Польшу».

У большинства опрошенных в центральной Польше оставались родственники, и поэтому в основном они приезжали к ним (59,4%). По возвращении до края были вынуждены закончить организованные специально для них средние вечерние школы (24,3%). После школы продолжили учебу и закончили средне-специальное учебное заведение 4,3%, политехникум – 6,3%, высшее образование получили 39%, из них 9% защитили докторские диссертации и в данный момент являются профессорами и имеют научные степени. Среди опрошенных по возвращении из ссылки только 2% нигде не учились.

После возвращения на родину написали и опубликовали свои воспоминания о сибирской ссылке 27% опрошенных, остальные не желают вспоминать о тех драматических событиях и только 15,3 % из них хотели бы попробовать описать их.

ВОСПОМИНАНИЯ О СИБИРИ

Несмотря на превратности судьбы, большинство опрошенных события минувших лет оценивают как положительные. Из воспоминаний: «Там мы поняли истинную ценность человеческой жизни. Будучи гонимыми и преследуемыми, мы узнали, что значит настоящая дружба и как важно найти взаимопонимание с живущими рядом с тобой людьми, даже если они отличаются от тебя. Будучи в Сибири, мы смогли оценить, что значит настоящая свобода». Среди негативных моментов, чаще всего опрошенные вспоминают такие, как: пронизывающий холод, голод, паразиты, жизнь в нечеловеческих условиях, тяжелая работа, болезни, примитивность жизни. Как признались 90% опрошенных, чаще всего однако они вспоминают смешные ситуации, случившиеся во время их пребывания в Сибири; красивую природу, прозрачную воду в реках, щедрость и открытость местных жителей.

ВЫВОДЫ

В своем пребывании в Сибири очень многие из опрошенных видят больше позитивных аспектов. Пребывание в ссылке научило их: выносливости, терпению, умению радоваться жизни, ценить здоровье, пониманию другого человека, важности опеки над близкими. Ссылка научила их уважать хлеб, расширила их горизонты представлений о жизни, закалила дух, тело и разум, научила их относиться с уважением к страданиям других людей, а также умению экономить, сострадать другим, мало требовать от жизни, относиться с уважением к другому человеку.

Среди отрицательных черт характера опрошенные подчеркивают такие, как: скардность, оппортунизм, преследование своей цели, не смотря ни на что. Из воспоминаний: «Отношусь с уважением ко всему, что имею в данный момент, потому что там не могла даже мечтать о самых необходимых мелочах». «С трудом выбрасываю то, что мне давно уже не нужно». «Будучи в Сибири, я понял, насколько русский народ был унижен и растоптан тиранами» «Мы пережили то, что ни один конь не переживет».

Некоторые из опрошенных сделали для себя такие выводы: «За правду бьют, не жаловаться, тихо сидеть». «Чтобы физически не работать, нужно обязательно получить образование».

Большинство вспоминают о том, что среди ссыльных была развита солидарность, взаимопомощь, взаимопонимание. Трое из опрошенных говорят, что депортация спасла им жизнь, т.к. место, где они жили перед депортацией, было уничтожено.

Многие из опрошенных жалеют своих бывших конвоиров: «Они тоже были в ссылке».

Посетили Сибирь после войны 24,3% (а 18% хотело бы туда поехать). Некоторые из них заканчивали в России курсы повышения квалификации либо работали по контракту. Многие посетили Сибирь как туристы во время организованных с некоторого времени групп паломников, целью которых было посещение могил родных и родственников в Сибири и Казахстане, а также посещение мест массовых расстрелов польских граждан, – с намерением увековечения их памяти через строительство памятников и размещение памятных таблиц, а также установление контактов с сибирской Полонией.

Несмотря на то, что прошло уже более 60 лет, большинство респондентов не изъявили желания посетить те места, где прошло их «детство». Среди причин, по которым не хотят этого сделать, называют такие, как боязнь того, что не смогут вернуться оттуда, не верят, что строй в России изменился, либо, просто бояться тех воспоминаний.

ЖИЗНЬ СЕГОДНЯ

Все опрошенные являются членами Союза Сибиряков. Активно участвуют в жизни организации, посещают собрания, организуемые в рамках деятельности этого Союза, посвященные тем или иным праздникам, связанным с Сибиряками (28,8% опрошенных).

Кроме того, Сибиряки имеют возможность встречаться в кружках, действующих под опекой клубов «Сибиряк», которых, например, в Кракове два. Встречи проходят раз в неделю и длятся обычно 2 часа. Членами клуба являются 35,1% опрошенных. Во время таких встреч Сибиряки поздравляют именинников, отмечают различные праздники, общаются. Обсуждают политические события, происходящие в мире, а также очередные издания, посвященные проблематике ссылок, декламируют собственные стихи и рассказы. Часто вспоминают времена былой молодости, события, происходившие перед ссылкой и во время ссылки. Каждая такая встреча, как правило, заканчивается пением русских частушек, а также песен, популярных в 40-е годы. Сибиряки очень часто в разговорах между собой пользуются русскими словами (1% русских слов).

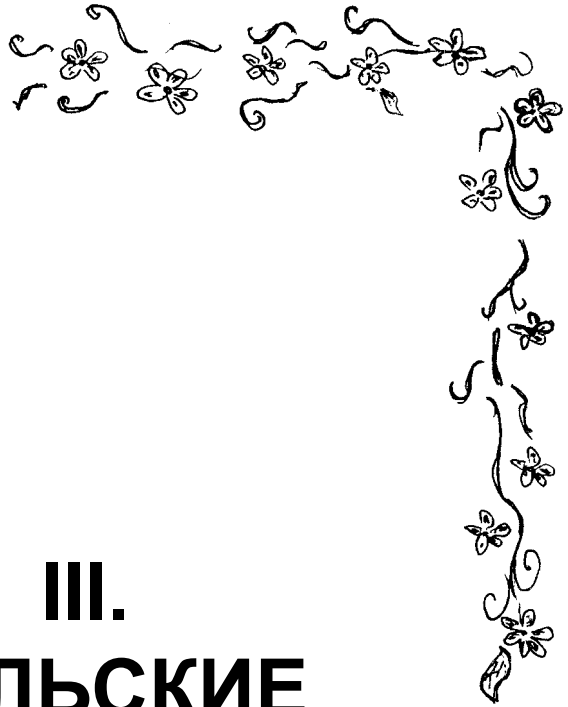
К сожалению, 4% опрошенных Сибиряков почти не поддерживают контактов между собой. В ряду главных причин – слабое здоровье или отсутствие времени, т.к. активно участвуют в воспитании

внуков. Несколько респондентов до сих пор работают, активно участвуют в политической жизни общества.

Почти все из опрошенных ведут обыкновенный образ жизни, присущий пенсионерам. Чаще всего читают книги, касающиеся ссылки, в газетах и журналах – статьи, посвященные политике. В каждом доме обязательно находится шкаф с книжками, среди которых: научная литература, бестселлеры, естественно, книги, посвященные ссылке и событиям Второй мировой войны.

Практически у всех хорошие бытовые условия. В большинстве случаев у каждого 2-х комнатная квартира, в которой хотя и скромно, но уютно. У большинства имеются телевизоры, CD и DVD магнитофоны, некоторые имеют компьютеры, которые подключены к Интернету, кроме того, многие имеют машины, дачи – в общем, довольны своей жизнью. Некоторые обзавелись семьями. Единственное, на что жалуются, на ухудшающееся здоровье. В последнее время смертность среди Сибиряков увеличилась.

На момент исследования в Союзе Сибиряков оставалось 45 тыс. членов из 80 тыс. в 1990 году.

**III.
ПОЛЬСКИЕ
ДЕТСКИЕ
УЧРЕЖДЕНИЯ В
СИБИРИ 1940-1946 гг.**

ПОЛЬСКИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ. УЧЕБНЫЙ ГОД 1944-45

Язык – важнейший символ национальной идентичности. Помнили об этом представители польского правительства в СССР. С началом Второй мировой войны в Красноярский край было сослано более 80 тыс. польских граждан.³¹ Два года потребовалось польскому иммиграционному правительству, чтобы убедить правительство СССР в необходимости создания на территории СССР детдомов, столовых, домов престарелых и домов инвалидов, а также продовольственных складов для польских граждан. И такое разрешение поляки получили.³² Чтобы реализовать задуманное, польское правительство получило кредит в Центробанке СССР в размере 100 миллионов рублей.³³

Организацию польских школ консульский отдел инициировал через своих представителей на местах – так называемые польские делегатуры. Благодаря их активным действиям, первые польские школы появились в Красноярском крае уже в начале 1942 года. Организация школ на пустом месте была невозможна. Поэтому в первую очередь были

организованны Польские детские дома. Именно они стали базой для организации польских школ. Таких школ при детдомах в крае было три. Удалось организовать лишь одну самостоятельную школу в Ачинске. Это были наитруднейшие времена для польского образования в СССР. Школы начинали с нуля, не было элементарной методической помощи, учебников, педагогов.

Представители делегатур за неимением времени и возможности не вникали в учебный процесс и ограничились организацией школ и их дальнейшим финансированием. Польские школы тех времен были полностью самостоятельны в выборе программ и методик, не поддерживали, к сожалению, контактов с другими польскими и советскими школами, не занимались ими и местные отделы народного образования. Учителя преподавали детям математику, литературу и польский язык по памяти, а дети на уроках заучивали на память, так как не было тетрадей, бумаги. В Черногорской польской школе, например, дети писали на сделанных ими же дощечках.³⁴

В 1943 году правительство СССР разорвало дипломатические отношения с польским правительством.³⁵ В соответствии с распоряжением СНК СССР от 26 января 1943 года № 1716-рс все польские благотворительные учреждения (детские дома, сады, ясли, амбулатории, школы, дома призрения, аптеки,

врачебные стационары, столовые, пошивочные мастерские, подсобные хозяйства и проч.) как зарегистрированные так и не зарегистрированные в местных советских органах, с момента назначения советских граждан заведующими этих учреждений, переходят в ведение соответствующих местных органов Наркомздрава, Наркомторга, Наркомпроса, Наркомсобеса.³⁶ Детские учреждения принимают положение и те принципы, на которых основаны были детские учреждения для русских детей; тот же режим, тот же распорядок дня, та же организация питания и т.д. Принятые в систему народного образования польские школы получили статус российских школ и перешли на гособеспечение. Директора школ и детдомов освобождаются от занимаемых должностей, а на их место трудоустраивают советских граждан.³⁷ Наступает хаос и дезорганизация, которые длились 3 месяца. В течение этого времени польские детские учреждения, лишённые всяческой финансовой поддержки, практически исчезают.³⁸

Радикально изменяются отношения местных властей к польским национальным школам. К сожалению, на работу в польские школы и детдома принимаются случайные люди, часто не имеющие педагогического образования, необходимого в работе с детьми. Безответственность и воровство (особенно в детдомах) – отличительная черта новых советских руководителей.³⁹ Снижился уровень знаний в польских школах, а в некоторых из них запрещено

разговаривать по-польски. В школах усиливается советская пропаганда. Например, С. Пухлик так описывает польский детский дом в Малой Минусе Красноярского края: советские лозунги на стенах, унылая и неприветливая атмосфера.⁴⁰ С другой стороны, были и плюсы такого слияния, такие, как: польские учителя были вынуждены участвовать в собраниях своих русских коллег, а это вело к повышению квалификации. Под давлением ОНО в польских школах появляются учебные программы, используемые в советских школах. Благодаря этому польские школы на территории всего Советского Союза начинают думать и работать одинаково, появляются учебные пособия и учебники.

Спасательным кругом для польских школ стал, без сомнения, Союз польских патриотов.⁴¹ Наиважнейшей целью для СПП было как можно быстрее „захватить власть” в польских общеобразовательных учреждениях под лозунгом „Каждый польский ребенок – в польской школе”. В первую очередь СПП принимает на работу недавно уволенных польских педагогов, директоров школ и детдомов. Они возвращаются на свои рабочие места. СПП, при помощи Компольдета, печатает польские учебники и польские программы для польских школ. Несмотря на то, что СПП принимает лозунги Коммунистической партии СССР, в польских школах нового типа находится место и для патриотического воспитания маленьких польских граждан.

Приоритетный лозунг в воспитании детей для СПП звучит так: „Наши дети будут воспитаны в духе глубокой и настоящей любви к братским советским народам, в духе сердечной благодарности за то, что советский народ приютил поляков”.⁴²

Ссылные поляки проживали в 38 районах Красноярского края. В 1945 году, по данным СПП, в Красноярском крае было около 3808⁴³ польских детей, из них школьного возраста – 2850. В польских школах обучалось 912 детей. В крае было зарегистрировано 10 польских школ, в которых работало 40 учителей, только 23 из них получали зарплату.

Первые польские школы в Красноярском крае появились в начале 1942 года:

В Малой Минусе одновременно с детдомом в 1942 году была организована школа, в которой обучалось 112 детей. Дети учились в местной семилетке по программе советской школы, а занятия по-польски, в польских классах, проходили в детдоме (польский язык, география, история, прикладное искусство). Детдом размещался на первом этаже этой же школы. Польские классы обслуживало пять педагогов (из обслуживающего персонала детдома) со стажем работы 15-20 лет.⁴⁴

В Порожской пятилетке училось 120 детей. Школа была организована одновременно с польским детдомом в 1942 году. Администрация детдома арендовала несколько классов в местной русской школе. В польских классах работало четыре педагога.

Остальные польские школы в крае были организованы позднее и функционировали благодаря усилиям СПП. В 1944-45 учебном году работало 8 польских школ.

В Ачинске возобновила свою работу четырехлетка, которая арендовала два класса в местной школе. В польских классах училось 75 детей в две смены. Дополнительно в школу на занятия по польскому языку в 5-10 классы приходили 35 детей. В школе работало четыре педагога с педстажем.

В Уярской польской школе училось 29 детей. Персонал школы состоял из двух педагогов; один из них имел педстаж.

В Даурском районе действовали три польских класса – в деревнях Дербино и Якушиха, а также на пристани Дербинец. В общей сложности в этих классах училось 82 ученика. Классы обслуживали три неквалифицированных педагога.

В Партизанской двухлетней школе училось 55 детей. В школе работали две неквалифицированные учительницы. Школа размещалась в столовой местного лесозавода.

В селе Новоселово польский класс посещали 30 детей.

В Минусинской четырехлетке училось 45 детей.

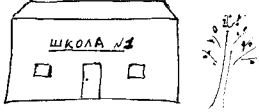
В двухлетке села Каратуз училось 35 детей.

В Рыбинске работала трехлетка, в которой училось 40 детей.

Кроме того, в районах: Иланском, Манском, Краснотуранском, в Карчалае, в Ужуре и в Уяре были организованы курсы для работающей молодежи и детские сады для польских детей. Занятия проходили на общественных началах.

В марте 1945 года Краевое управление СПП в Красноярске организовало конференцию для польских учителей и директоров.⁴⁵ Конференция прошла в Институте усовершенствования учителей при участии известных красноярских педагогов. В конференции участвовало 8 человек. Главной задачей конференции было повышение уровня знаний в польских школах. Обсуждались на конференции и такие вопросы, как: Что такое авторитет учителя (воспитателя). Что может его разрушить и как его заработать среди учеников. Проблема наказания и поощрения воспитанников.⁴⁶

В сравнении с учебным годом 1943-44 гг. количество польских школ в Красноярском крае увеличилось в два раза, количество учеников – на 333 человека, а количество учителей – в пять раз. Одной из наиважнейших причин, по которой дети не ходили в школу, было отсутствие обуви. Поэтому во время летних каникул польские учителя организовывали дополнительные занятия, прежде всего по польскому языку.

ПОЛЬСКИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ В ХАКАССКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ. УЧЕБНЫЙ ГОД 1944-45

Ссылные поляки проживали в 8 районах Хакасии. В 1945 году, по данным СПП, в Красноярском крае и Хакасской автономной области⁴⁷ было около 3808⁴⁸ польских детей, из них школьного возраста – 2850. В польских школах обучалось 912 детей (из них в Хакасии 329 школьников). В Хакасской автономной области было зарегистрировано 5 польских школ, в которых работало около 20 учителей.

Первая польская школа в Хакасии появилась в начале 1942 года:

В Большой Ербе одновременно с детдомом была организована неполная средняя школа, в которой обучалось 75 детей. Занятия проходили в помещениях детдома. В школе работало четыре педагога со стажем работы 10-17 лет.⁴⁹

Остальные польские школы в Хакасской автономной области были организованы позднее и функционировали, благодаря усилиям СПП. В 1944-45 учебном году было 4 польских школы:

В Черногорске успешно работала неполная

средняя школа, которая размещалась в отдельном помещении и имела шесть классов. В школе училось 68 детей. В школе работало три педагога с педстажем и один без педстажа.

В Абаканской средней школе № 1 размещалась польская начальная школа, в которой обучалось 111 детей.⁵⁰ Занятия проходили в две смены. Классы обслуживало четыре педагога со стажем работы 3-7 лет.

В Лесозаводе функционировала неполная средняя школа, в которой училось 65 ребят.

В Шипилинской двухлетке училось 10 детей.

В сравнении с учебным годом 1943-44 количество польских школ в Хакасии увеличилось в два раза, количество учеников – на 180 человека, а количество учителей – в три раза.

ПОЛЬСКИЕ ДЕТСКИЕ ДОМА НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

О том, что поляки, сосланные в Минусинский округ, принимали активное участие в местной культурной жизни, написано много. Глубоко изучена тема первых польских ссыльных вплоть до начала XX века. А вот тема военной ссылки почти не попадала в поле зрения исследователей.

Из девяти открытых в Сибири польских детских домов в Красноярском крае были организованы два детских дома, куда направлялись дети-сироты, дети, родители которых были на фронте или не могли по болезни содержать их: Порожский детский дом (с. Большой Порог) Казачинском районе и Мало-Минусинский детский дом в (с. Малая Минуса) Минусинском районе.

Сведения по детским домам на 1943 г.: Мало-Минусинский детский дом - 171 чел.; Порожский детский дом - 250 чел.

Мало-Минусинский польский детский дом. Открыт в апреле 1942 г. В детдоме в разные годы пребывало от 150 до 300 детей и 27 человек персонала (по другим документам 110 детей и 43

человека персонала). Размещался в 3-х комнатах первого этажа местной сельской школы. Самая большая комната служила столовой, она же являлась классной комнатой, где еще располагалась и портняжная мастерская.

Из воспоминаний бывших воспитанников детдома Болеслава Влодарчика и Владислава Катроня, проживающих в настоящее время в г. Вроцлаве и в г. Щецине Республики Польша, можно узнать, какими были условия жизни и обучения в детдоме.

«Все дети питались три раза в день, а группа малышей (моя) получала дополнительно второй завтрак. Обед был всегда сварен, а на другие приемы пищи выдавали в основном бутерброды с консервированной рыбой. Основные продукты, такие, как рыбные консервы и мясные, мука, сахар, каши и т.п. получали в рамках американской помощи ЮНРА, а хлеб, молоко и корнеплоды нам давал местный колхоз за трудодни, отработанные старшими воспитанниками. Один раз в неделю нам организовывали баню».

«Занятия проходили по несколько часов в день. Обучение проходило по основным предметам, в том числе: письмо и чтение, история, математика, география, русский язык, немецкий и патриотическое воспитание, пение, игра на инструментах, рисование, физкультура и военная подготовка. Большое внимание уделялось воспитанию национального самосознания. Был создан патриотический уголок,

в котором представлены были польские национальные символы, а также фольклор отдельных регионов Польши».

«Воспитатели старались нам указать на наши религиозные корни, учили нас религиозным песням и основным молитвам из римско-католического обряда. Перед каждым приемом пищи мы читали благодарственную молитву за полученные дары, позволяющие нам прожить».

«В детдоме действовал ансамбль. Воспитанники детдома были поделены на группы харцеров и зухов».

«Здесь нас учили патриотизму, традициям народным и семейным, культурному воспитанию, уважению старших. Мы очень много пели патриотических и религиозных песен. Пели все – учителя, ученики, администрация. «Kiedy ranne wstaja zorze..., ROTA, Przybyli ulani, Mazur Kajdaniarski, Harcerz i Harcerka, Legiony to..., My Pierwsza Brygada, Plonie ognisko i szumia knieje, Wojenko, wojenko, O moj Rozmarynie, Rozkwitaly Paki Bialych Roz, Hej, hej Ulani, Na Podolu bialy kamien».

Из воспоминаний жительницы села Н. Галгановой: «Поляки были очень набожны и каждое утро выстраивались на молитву со своим священником, называемым ксендзом, молились перед едой. Также они отмечали все свои праздники, особенно Рождество. К Рождеству им присылали съедобные иконки „oplatki”, сделанные из вафель, и другие вкусности...

Это было для нас поразительно: верующих в России тогда преследовали, и мы не знали, как относиться к тому, что полякам в открытую позволялось исповедовать свою религию...».

Порожский польский детский дом. Открыт в мае 1942 г., в разные годы в детдоме пребывало около 120-200 детей и 23 сотрудника. Занимал он типовое здание школы, была и кухня в отдельном здании. Из документов узнаем о повседневной жизни в детдоме: «...воспитатели помогают воспитанникам в приготовлении к урокам, организуют практические занятия (вождение воды, уборка двора и т.д.), организуют развлечения, игры, чтение польских книг, газет, проводят беседы». В детдоме работали 4 кружка: пения, драматический, музыкальный, рукоделия. Выпускалась стенгазета. В библиотеке художественной литературы было 403 книги.

Детские дома эвакуировались в 1946 году: Мало-Минусинский и Больше-Ербинский выехали на родину эшелонам № 69 27 марта со ст. Абакан, Порожский – эшелонам № 71 10 апреля 1946 года со ст. Ачинск.

МАЛО-МИНУСИНСКИЙ ПОЛЬСКИЙ ДЕТДОМ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО ВОСПИТАННИКОВ (1942-1946 гг.)

Среди жертв массовых политических репрессий в СССР поляки составили одну из самых многочисленных национальных групп. К этой же группе можно отнести и польских граждан иных национальностей, проживавших в пределах довоенного польского государства. Массовые репрессии и депортации народов были одним из важнейших инструментов советской власти. Эти действия привели к тому, что многие народы практически перестали существовать, т.к. людей депортировали в необжитые районы Сибири и восточного Казахстана, где они поголовно умирали от голода и холода.

Во время советской оккупации восточных польских земель, которая длилась от сентября 1939 до июня 1941 г., было депортировано более 380 тысяч детей до 16 лет (30 % от общего количества репрессированных).⁵¹ По данным Польского посольства в Москве,⁵² детей, нуждающихся в немедленной помощи, было 160 тыс. Польское эмигрантское правительство в Лондоне с самого начала ставило перед собой задачу эвакуации польских граждан из СССР в третьи страны,

а так же оказание материальной помощи всем нуждающимся. После длительных переговоров правительство СССР в дипломатической ноте от 24 ноября 1941 г. выразило свое согласие на открытие ряда польских благотворительных учреждений. Польское Посольство в Куйбышеве немедленно приступило к реализации этих задач и уже в первой половине 1942 года на территории СССР функционировало: 59 детских домов для 3000 детей; 68 благотворительных столовых для 3117 детей; 12 домов престарелых на 850 мест.⁵³

Мало-Минусинский польский детский дом начал свою работу в апреле 1942 года в селе Малая Минуса.

Во второй половине 1942 года в детдоме пребывало 45 детей. Во время эвакуации в 1946 году в детском доме находилось 143 ребенка.

Владимир Катронь⁵⁴ в своих дневниках вспоминает: «Детский дом был настоящим островком польской культуры. В его стенах мы могли „безнаказано” разговаривать по-польски. Здесь нас воспитывали как настоящих патриотов. Много времени посвящалось на прививание нам любви к Родине, ей традициям и истории. Обязательными были утренники, на которых мы молились и пели патриотические песни, такие, как: «Kiedy ranne wstają zorze...», «Przybyli ulani», «Mazur Kajdaniarski», „Harcerz i harcerka», «Legiony to...», «Plonie ognisko i szumia knieje», «Wojenko, wojenko», «O moj

rozmarynie», «Rozkwitały paki białych roz», «Hej, hej ulani», «Na Podolu biały kamień» и т.д. Вечером перед сном целый Детдом пел «ROTE». Пели все!

Надежда на то, что мы обязательно вернемся домой в Польшу, нас никогда не покидала».

Из воспоминаний бывшего воспитанника **Ежы Левицкого**,⁵⁵ пребывавшего в детдоме с 1942 по 1946 гг.: «Не помню первых впечатлений, которые на нас с братом произвел детдом. Впервые за два года мы были среди своих «поляков», благодаря этому мы быстро адаптировались. Дети в детдоме так же, как и мы, разговаривали на ломаном польско-русском языке. В детдоме не было своей «Польской» школы, поэтому мы ходили до русской школы вместе с русскими. Занятия проходили по несколько часов в день. Обучение проходило по основным предметам, в том числе письмо и чтение, история, математика, география, русский язык, польский язык и патриотическое воспитание, пение, игра на инструментах, рисование, физкультура и военная подготовка. Большое внимание уделялось воспитанию национального самосознания. Был создан патриотический уголок, в котором представлены были польские национальные символы, а также фольклор отдельных регионов Польши.

В детдоме нас кормили слабо, зато регулярно, три раза в день. Помню до сих пор вкус супа из капусты, а на десерт жмых из сахарной свеклы. Был

на обед и кусочек хлеба, который не получали те, кто провинился. Я только раз был наказан таким образом, за то что украл селедку, а было это так. За детдомом было овощехранилище, как-то раз кухарки забыли его замкнуть. Недолго думая, мы втроем заглянули туда. Там стояла огромная бочка с селедкой. Так как селедка была на самом дне, я залез в бочку с головой, а товарищи держали меня за ноги. Я руками искал селедку в рассоле и нашел на дне. К сожалению, мимо проходила кухарка и спугнула моих товарищей, они меня отпустили, я упал в бочку, она перевернулась. На счастье, мне удалось убежать вместе с селедкой за речку, там мы ее и съели. Я пробовал отстирать одежду от селедочного запаха. К сожалению, ничего не помогало; наступила ночь, и мне пришлось возвращаться в детдом. В наказание за воровство я несколько дней не получал хлеба на обед.

В детдоме часто проходили концерты, организованные нашим драматическим кружком. Два раза в неделю были пробы нашей театральной группы. Я очень любил петь и декламировать стихи. До сих пор помню несколько стихотворений по-русски».

Хэнрика Богуславска⁵⁶ так описывает пережитое в детдоме: «Там нам прежде всего не хватало любви и ласки, заботы. Там от нас требовали слепого подчинения. Мы там были все время голодны. На завтрак был, например, малюсенький кусочек хлеба со следами яичного порошка, и стакан

чего-то отдаленно напоминающего чай. Старшие ребята очень часто воровали с подносов эти кусочки хлеба, и поэтому малыши, за которых некому было заступиться, были часто голодными. На обед очень часто был суп неизвестного происхождения, хотя и бывало иногда, что на обед давали манную кашу либо суп из чечевицы. Все это мгновенно проглатывалось и, к сожалению, не успокаивало наш голод, а его усиливало.

Когда я дежурила на кухне, то иногда удавалось украсть пару кусочков хлеба для моих младших сестер и брата. Настоящей роскошью было разрешение вылизать большой бак, в котором готовили суп или манную кашу. Бак можно было наклонить, благодаря этому можно было залезть в него полностью и вылизывать, вылизывать.

Помню до сих пор, как сама себя обвиняла в том, что не ела хлеб, который у нас дома перед депортацией лежал свободно на кухонном столе. Я была уверена в том, что если бы тогда я съедала бы тот хлеб, то не была бы так голодна в детдоме. Яркие воспоминания хлеба, лежащего на столе, долго не давали мне уснуть.

Конечно же, в памяти остались и симпатичные моменты нашего пребывания в детдоме. Такими моментами были организованные нашими силами спектакли, а также концерты, в которых мы, дети, охотно участвовали. Наш хор и ансамбль песни и танца много гастролировал по району. Я очень

любила петь и танцевать. Мы сами шили себе костюмы из подручных материалов (например, из ковыля, и не только). Каждое выступление было для нас настоящим праздником души.

В начале 1946 года ученики моего 4 класса устроили нам, «Полякам», выезжающим на родину, прощальный вечер. Каждый из нас получил что-нибудь на память. Вместе мы плакали от того, что приходится расставаться, – за эти пять лет, проведенных вместе, мы успели подружиться и привыкнуть.

Эти стихи написала для меня (и двух моих подружек) перед отъездом моя «русская» учительница:

В лесах сибирских, в маленькой деревне
Училась в школе вместе с нами ты,
Была для всех товарищем ты верным,
Примером скромности, культуры, простоты.

Пусть страсть к ученью не остынет,
Старание даром не пройдёт,
И в бурном радостном порыве
Всегда вперед тебя ведет.

Счастливый путь на родину твою,
Пожмем друг другу руки на прощанье,
И ты на родине, и мы в родном краю
Навек запомним наше расставанье.

(Сибирь, польский детдом Малая Минуса 1946 г.)»

В этих воспоминаниях «маленьких ссыльных» нет трагизма. В памяти остались порой лишь незначительные моменты их «сибирской дороги домой». Забыли, а может не хотят вспоминать, что каждый из них похоронил отца, мать либо обоих родителей. От тех событий, которые были описаны выше, прошло более шестидесяти лет. «Сибирская школа» научила их выносливости и терпению, умению радоваться жизни и ценить свое здоровье, опеке над близкими, а также расширила их горизонты и закалила дух, тело и разум. Научила пониманию чужого терпения.

ПОЛЬСКИЙ ДЕТСКИЙ ДОМ В ДЕРЕВНЕ БОЛЬШАЯ ЕРБА

Польский детдом в Большой Ербе был открыт 1 апреля 1942 года и был рассчитан на 100 мест. В разные годы в нем пребывало от 60 до 112 детей. В него направлялись дети-сироты, дети, родители которых были на фронте или не могли по болезни содержать их. После 1943 года в детдом также поступали польские дети из русских детдомов, найденные благодаря активным действиям представителей Союза польских патриотов.

Обслуживало детдом 18 человек персонала и 13 педагогов. Размещался детдом в трех разных зданиях, занимая в них в общей сложности 7 комнат, в которых размещались столовая 5 м², медизолятор и 5 спальных. Занимал он четыре приспособленных здания и скотный двор.

Дошкольная группа, в которой было только 12 ребят, больше всего времени посвящала разучиванию песен и стихов на польском и русском языках. Как отмечали неоднократные комиссии: дети были приучены к первым правилам вежливости и гигиены, политически грамотны, осведомлены. Политическую грамотность и осведомленность можно легко объяснить – не было учебников. Обучение велось на основании материалов из

газет, таких как: «Правда», «Свободная Польша», «Новэ Виднокренги» и школьная страница в газете «Пломык» которые присылали из Куйбышева два раза в месяц. Из-за отсутствия места спальни в детдоме днем использовались под школу. Школа была четырехклассной, поэтому дети, которые учились в 5-8 классах, посещали местную русскую школу. В 1944-45 годах во время летних каникул в этой же школе для польских детей были организованы дополнительные занятия, в ней училось 87 ребят. Занятия в школе проводились только на польском языке.

Русский язык изучался в 3-ем классе за 1-ый класс, в 4-ом - за 2-ой класс по книге Афанасьева. Религиозное воспитание внедрялось при помощи текстов получаемых газет. Детям прививались и трудовые навыки (вязание, вышивка и т.д.), кроме того для школьников открыты были мастерские: трикотажная и сапожная. Кружки: драматический, географический, хоровой, танцевальный, литературный, общеобразовательный и патриотический (что-то наподобие пионерской организации).

Дети дежурили в кухне и столовой. Мальчики готовили дрова и воду для помещений детдома.

В школе часто проводились педсоветы, на которых обсуждались учебные планы.

Учителя школы тесно сотрудничают со своими русскими коллегами, и часто посещают открытые уроки в соседней семилетке, и даже принимают

участие в проведении совместных уроков. Благодаря этим контактам, укрепляются связи учителей и учеников. Учителя перенимали опыт своих советских коллег, а дети, через контакты со сверстниками, учились прежде всего русскому языку.

Дети воспитываются на примере польских героев, как-то: Костюшко, Эмилии Плетэр, Домбровского и из организаторов Комитета польских патриотов Ванды Василевской и генерала Первой польской армии Берлинга. Материалы берутся из польских газет «Вольна Польшка» и книг на польском языке из библиотеки СПП из Москвы. Таких книг получено на детский дом 110 шт.

В 1945 году детдом имел: сенокоса 50 га и засевал зерновыми 12 га, а живого инвентаря 20 штук (лошадь, крупно-рогатый скот, свиньи).

При детдоме находилось и инвалидное отделение, где содержалось 13 беспомощных больных поляков в возрасте от 21 года до 87 лет.

Таким образом, благодаря сохранившимся архивным материалам, и немногочисленным воспоминаниям бывших воспитанников этого детдома, мы можем увидеть, что несмотря на войну, голод, и разруху советское правительство находит средства на содержание польских детских учреждений. Конечно же, не стоит забывать и о том, что эти дети и их родители, не по доброй воле оказались в Сибири. Сначала у них отобрали все и насильно перевезли в Сибирь, потом их заставили,

как рабов, работать, как правило, на лесоповалах и шахтах.

Детдом эвакуировали на родину в 1946 году.

ОБРАЗ СИБИРИ В ВОСПОМИНАНИЯХ БЫВШИХ ВОСПИТАННИКОВ ПОЛЬСКИХ ДЕТСКИХ ДОМОВ

В данной работе представлены два параллельно проведенных исследования. С левой стороны таблицы – собранные автором статьи и обобщенные воспоминания, а также научные исследования, касающиеся условий пребывания польских детей в детских домах на территории СССР в 1941 – 1946 годах. Описаны быт и ситуации, при которых дети польских граждан попадали в советские детские дома, а было таких детей около 5000 человек (по данным на конец 1942 года). Автором был изучен ряд работ, изданных в Польше и за границей на польском языке.

С правой стороны таблицы представлены фрагменты публикаций, подготовленных автором в беседах с бывшими воспитанниками польского детского дома, организованного в апреле 1942 г. в д. Малая Минуса Красноярского края. Это был один из 9 польских детских домов, организованных на территории Сибири польским правительством, в которых пребывало на тот период около 9000 детей.

Без родителей

Несмотря на то, что представительства от польского посольства работали не покладая рук, организовывая все новые детские дома, ночлежки, школы и детские сады, благотворительные столовые, дети, брошенные на произвол судьбы, умирали сотнями – от плохих санитарных условий, от голода и холода. Камнем преткновения были не только представительства НКВД, которые находились лишь в крупных поселках и городах, но и местные власти, в основном агрессивно настроенные против поляков и настраивающие отрицательно местное население. Пользуясь неограниченной властью, поляков использовали в одном случае открыто, как рабов, в другом – на равных, а в третьем – депортированные были брошены на произвол судьбы, и местные власти их вообще игнорировали.

Из воспоминаний бывших воспитанников польского детского дома в Малой Минусе Болеслава Влодарчика и Владислава Катроня, проживающих в настоящее время соответственно в г. Вроцлаве и в г. Щецине Республики Польша, можно узнать, какими были условия жизни и обучения в детдоме. Оба – Волеслав с сестрой, а Владислав с братом – были направлены в детский дом в связи со смертью родителей.

Мало-Минусинский польский детский дом был открыт в апреле 1942 г. В разные годы пребывало около 150-300 детей и 27 человек персонала (по другим документам 110 детей и 43 человека персонала). Размещался в 3-х комнатах первого этажа местной сельской школы. Самая большая комната служила столовой, она же являлась классной комнатой, где еще располагалась и портняжная мастерская. Детдом занимал

Если в одних районах родители просили, чтобы местный детдом принял детей, а им отказывали, ссылаясь на разные причины, то в других районах детей забирали силой. Таких детей вернуть зачастую было уже невозможно. Так описывает произошедшее одна из свидетельниц событий тех лет: «Когда я вернулась из госпиталя, то сделала все возможное, чтобы вернуть детей. В НКВД мне сказали твердо, что детей мне не отдадут, что я якобы еще больна и не прокормлю даже себя». Таких случаев было очень много.

также одно помещение в клубе, в котором спали мальчики из старшей группы, и отдельно стоящее здание старой школы, где ночевали учительницы со старшими девочками. Из хозяйственных построек имелись: сеновал и сарай, где находились конь, несколько свиней и корова.

Пребывание в детдоме

«Отсутствие толеранции со стороны фанатиков, воспитанников, также и воспитателей к чужим и не похожим на них, а также обращение с польскими детьми как с гражданами СССР приводило к стрессам и душевным расстройствам попавших к ним детей».

«Если в детдоме

Болеслав, будучи ребенком, после смерти родителей, прибыл вместе с сестрой Яниной и братом Евгениушем в Малую Минусу в мае 1943 г. Он вспоминает, что Малая Минуса ассоциируется у него с детством – в меру беспечным, с регулярным, хотя скромным питанием, а также с первым контак-

оказывалось несколько польских детей, то им запрещали разговаривать на польском, запугивая и периодически наказывая». «В случае, если детей в семье было несколько, то их направляли в разные детские дома и они обычно теряли контакт друг с другом навсегда».

том со школой.

Владислав, будучи подростком, после смерти родителей прибыл в Малую Минусу вместе со старшим братом. «Благодаря пребыванию в детдоме у нас с братом появилась возможность учиться, до этого мы были вынуждены работать».

Питание

Обобщая до сих пор опубликованную литературу, можно констатировать следующие факты. Дети были постоянно голодные, потому что питание было очень скромное. «Дважды в день мы получали по кусочку хлеба, редко суп и чай».

Из архива семьи Еленэк: «Питание было достаточно хорошим».

«Все дети питались три раза в день, а группа малышей (моя) получала дополнительно второй завтрак. Обед был всегда сварен, а на другие приемы пищи выдавали в основном бутерброды с консервированной рыбой. Основные продукты, такие, как рыбные консервы и мясные, мука, сахар, каши и т.п., получали в рамках американской помощи ЮНРА, а хлеб, молоко и корнеплоды нам давал местный колхоз за трудодни, отработанные старшими воспитанниками. Один раз в неделю нам организовывали баню».

Учеба

Немногим детям повезло и возобновить учебу, большинству пришлось работать по 12 часов в день на близлежащих колхозных полях.

Детей заставлял работать голод. «Кто не работает, тот не ест». Эта фраза звучала из уст представителей власти чаще, чем «Отче наш» из уст верующего.

«После возвращения с поля наступал час вольный, но не для поляков, – для нас была принудительная уборка помещений».

«Неизменным обучающим элементом было слушание патриотических песен, звучащих из громкоговорителей, а позднее и их пение. И конечно же нескончаемый поток информации о колхозах, совхозах и фабриках. Кто и на сколько превысил норму, во сколько раз возросла продукция по сравнению с прошлым годом».

«Занятия проходили по несколько часов в день. Обучение проходило по основным предметам, в том числе письмо и чтение, история, математика, география, русский язык, немецкий и патриотическое воспитание, пение, игра на инструментах, рисование, физкультура и военная подготовка. Большое внимание уделялось воспитанию национального самосознания. Был создан патриотический уголок, в котором представлены были польские национальные символы, а также фольклор отдельных регионов Польши».

«Здесь нас учили патриотизму, традициям народным и семейным, культурному воспитанию, уважать старших».

Культурная и религиозная жизнь

«Обязательным было присутствие на пропагандистских фильмах. Когда все это слушала и смотрела, то задавалась вопросом – почему этого хлеба все время не хватает».

На каждом шагу воспитатели убеждали поляков, что Бога нет. Способы убеждения были примитивны, но действенны. Например, детей, у которых умерли родители, спрашивали, почему Бог это допустил. Почему Бог, видя, что вам плохо, не поможет? Иногда устраивались целые спектакли. На сцену выходил политработник и, обращаясь к Богу, просил у него конфет. Естественно, что ничего не происходило. Потом произносил коронную фразу: «Советская власть, дай конфет», и конфеты сыпались на сцену. Методом кнута и пряника заставляли детей забыть не только Бога, но и кто они есть. Когда подошло время репатриации,

«Воспитатели старались нам указать на наши религиозные корни, учили нас религиозным песням и основным молитвам из римско-католического обряда. Перед каждым приемом пищи мы читали благодарственную молитву за полученные дары, позволяющие нам прожить».

«Детям прививались трудовые навыки (вязание, вышивка и т.д.). Дети дежурили в кухне и столовой. Мальчики готовили дрова и воду для помещений детдома».

«В детдоме действовал ансамбль. Ансамбль был известен в обществе и выступал даже перед ранеными советскими солдатами в госпитале Минусинска».

«Дети периодически устраивали театральные представления, ставили сказки на русском и польском языках, «Золушка».

«Мы очень много пели патриотических и

детей спрашивали, хотят ли они остаться в СССР, где все есть, а люди по настоящему свободны, или же они хотят вернуться в Польшу (а согласно международным договорам от каждого польского ребенка следовало получить письменное согласие на добровольный отъезд в Польшу). Дети обычно выбирали первое. Естественно, спрашивали только тех детей, которых затребовали представители СПП.

религиозных песен. Пели все – учителя, ученики, администрация. Утром и вечером на линейках и за столом. (Kiedy ranne wstaja zorze..., ROTA, Przybyli ulani, Mazur Kajdaniarski, Harcerz i Harcerka, Legiony to..., My Pierwsza Brygada, Plonie ognisko i szumia knieje, Wojenko, wojenko, O moj Rozmarynie, Rozkwitaly Paki Bialych Roz, Hej, hej Ulani, Na Podolu bialy kamien)».

В результате депортации граждан, населявших восточные рубежи Польши, с февраля 1940 по июнь 1941 гг. в северный Казахстан и Сибирь в ссылку оказалось более 317 000 поляков, из них 90000 детей до 16 лет (по данным русских ученых). По данным польского посольства в Москве, только детей, нуждающихся в помощи, было более 160000. Расхождения в цифрах значительны, ибо правительство СССР не признавало права на польское гражданство за народами других национальностей, проживающих в Польше до 1940 г. (а это украинцы, белорусы, литовцы, евреи), что автоматически исключало их из какой-либо статистики и лишало возможности оказания материальной помощи.

Из-за высокой смертности на начало 1945 г. на территории СССР осталось около 60000 польских детей до 16 лет. В 52 польских детских домах находилось 4840 воспитанников.

По данным Компольдета, эвакуировано в Польшу в 1945-1947 гг. 60 польских детских домов и 5269 детей (из них персонал составил – 648).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Kołbuszewski J.: Kresy, Wyd. Dolnośląsk, Wrocław, 1995, s. 37-39
2. В настоящее время это территория Литвы, Латвии, Белоруссии, Украины.
3. Czubiński A.: Najnowsze dzieje Polski 1914-1983, Wyd. PWN, Warszawa, 1987, s. 263-266
4. Там же., С. 263-266
5. Polak B.: O sowieckich represjach wobec Polaków. [W:] „Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej” nr 11 (34), 2003, s. 11
6. Там же., С. 10
7. Rogalska K.: 10 lutego minęła kolejna rocznica deportacji Polaków z Kresów Wschodnich do ZSRR. [W:] „Głos z nad Niemna” Nr 7, 18 lutego 2005
8. Wojcik K.: Rewindykacja zbiorów i zabytków (Po Traktacie Ryskim). [W:] Dziesięciolecie Polski Odrodzonej 1918-1928, Wyd. Światowid, Kraków-Warszawa, 1928, s. 740-744
9. Цыган К., Скальски Я. Польша. Борьба за свободу и независимость 1939-1945 гг. // Варшава, 2005, С. 110
10. Гурьянов А. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 гг. // ред. Еремина Л. Репрессии против поляков и польских граждан // Москва, 1997, С. 137-175
11. Polak B.: O sowieckich represjach wobec Polaków. [W:] „Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej” nr 11 (34), 2003, s. 23; Еремина Л. (ред.) Репрессии против поляков и польских граждан // Москва, 1997
12. Encyklopedia „Białych plam”, t VIII, Wyd. POLWEN, Radom, 2002, s. 283-287
13. Byrska M.: Ucieczka z zesłania, Wyd. Editions, Paryż, 1986, s. 160
14. W czterdziestym nas matko na Sybir zesłali... Polska a Rosja 1939-42 (red. Gross J.), Londyn, 1983, s. 8
15. Masowe deportacje sowieckie w okresie II wojny światowej, (red. Ciesielski S.), Wyd. UW, Wrocław 1994, s. 46; Ciesielski S.: Masowe deportacje z ziem wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1940-1941 i losy deportowanych.; Uwagi o stanie badań. [W:] (red. Ciesielski Stanisław), Wschodnie losy Polaków, Wyd. UW, Wrocław, 1997, s. 85-116
16. АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 199. Л. 1-2; Л. 6-7; Л. 8-10; Л. 11-27; Л. 28; Л. 30-38; Л. 47; Л. 48-49; Ф. 93. Коллекция Постановлений СНК СССР; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 57. Д. 65. Л. 144-145; Л. 163-166; Л. 167-169; Л. 170-174; Л. 175; Д. 68. Л. 123-128; Ф. 9401. Оп. 12. Д. 205. Л. 1-4; Ф. 9479. Оп. 1. Д. 57. Л. 40-41; РГВА. Ф.40. Оп. 1. Д. 182. Л. 26-30.

17. Гурьянов А. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940-1941 гг. // ред. Еремина Л. Репрессии против поляков ..., С. 116.
18. Gurjanow A.: Cztery deportacje 1940-41, „Karta” nr 12, 1994, s. 114-136
19. Parsadanowa W.: Dieportacyja nasilenija iz Zapadnoj Ukrainy i Zapadnoj Bielorusii w 1939-1941 gg., „Nowaja i nowiejszaja istorija” nr 2, 1989, s. 32, 34, 36
20. Szykiewicz S.: Polacy kazachstańscy. Początki przystosowania do środowiska, [w:] Polacy w Kazachstanie, op. cit. s. 249
21. Iwanow M.: Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921-1939, Wyd. UO, Warszawa-Wrocław, 1991, op. cit., s. 372
22. Szykiewicz S., Polacy ..., op. cit., s. 250
23. Кияс А. Наказанный народ // ред. Гавецкий М., Яскульский Я.. В степи далекой. Поляки в Казахстане. Познань – Алма-Ата, 1997. С. 59
24. Archiwum Tekstów Radia Maryja. Audycja z 09.02.2003. Temat: „Golgota Wschodu - kolejna rocznica wielkiej deportacji”. Goście: Ks. Prałat Zdzisław Peszkowski, dr Zygmunt Zdrojewski
25. Janocha A.: Pod opieką Matki Bożej, Wrocław, 1993, s. 250-251
26. Polak B.: O sowieckich ..., s. 15
27. Более подробно о статусе поляков и не только пишет в своей работе Биргер В. Ссылка в Красноярском крае и Хакасии. Ссылка из региона: Хроногеогр. обзор депортаций и мест ссылки // О-во „Мемориал”. Красноярск, 2001; www.auditorium.ru/books/433/index.html
28. Ружаньцем в Польше называются специальные четки, используемые католиками во время чтения определенных молитв, а также сами эти молитвы
29. Niedziela Z.: Wspominam Kazachstan, „Znak” R. XXXIV, nr 328 (3), 1982, s. 138-139
30. Архив KogolArt (pkogol@interia.pl). Ф. 3 Оп.1 Д.2 Л.8 (Воспоминания С. Пухлика. Аудиозапись. Варшава, 2007)
31. Зберовская Е. Польские спецпереселенцы в Красноярском крае (1940-1945 гг.) // Сохранение и взаимопроникновение национальных культур как фактор устойчивого развития Приенисейского края. Красноярск, 2004; По данным Компольдета поляки проживали в 300 районах СССР на 20.07.1943 г. - ГАРФ Ф. а304. Оп.1 Д. 10. Л. 23
32. После длительных переговоров правительство СССР в дипломатической ноте от 24 ноября 1941 г. выразило свое согласие на открытие ряда польских благотворительных учреждений.
33. Архив Акт Новых в Варшаве. Ф. Hoover Ambasada RP w Moskwie. Д.29 Л.70; Głowacki A. Z archiwów sowieckich. T. 1: Polscy jeńcy wojenni w ZSRR 1939-1941, opr. W. Materski // Warszawa, 1992, s. 103

34. Архив KorolArt (pkorol@interia.pl). Ф. 3 Оп.1 Д.2 Л.8 (Воспоминания С. Пухлика. Аудиозапись. Варшава 2007)
35. Компольдет – Комитет по делам польских детей, созданный на основе решения СНК СССР № 710 от 30 июня 1943 г. при Министерстве просвещения РСФСР; имел своей задачей организацию школ, дошкольных детских учреждений, детских домов и других учреждений для польских детей, находящихся в СССР во время Второй мировой войны, решение всех вопросов польских школ, учреждений для польских ребят и для взрослых. Обслуживаются поляки, которые до 1939 г. были польскими гражданами, а сейчас проживают на территории Советского Союза. Во вторую очередь обслуживаются евреи с такой же оговоркой, и в исключительных случаях обслуживаются лица других национальностей, например, украинцы, белорусы, которые до 1939 года работали в коренной Польше и тесно связаны с польской культурой (ГАРФ. Ф. а304 Оп.1 Д.10 Л.49). Он также занимался вопросами подготовки польских учителей и издания учебников на польском языке. Комитет тесно сотрудничал с Союзом польских патриотов в СССР
36. Государственный архив Красноярского Края Ф. р1330 Оп.1 Д.9 Л.40
37. Государственный архив Российской Федерации. Ф. а304 Оп.1 Д.10 Л.45
38. В течении 3 месяцев перестало существовать практически 50% польских учебных учреждений, например: по данным Польского посольства, в Союзе во II квартале 1942 года было детских домов 59, в которых пребывало около 3000 детей (ААН. Ф. Hoover – Ambasadą RP w Moskwie. Д.29 Л.70), а на 15 апреля 1943 года было только 35 с контингентом 2611 детей (Bugaj T. Dzieci polskie w ZSRR i ich repatriacja 1939-1952. Jelenia Gora, 1982, ст. 84)
39. В архивных документах тех лет можно часто встретить сноски на возбуждение уголовных дел на советских руководителей детдомов
40. Научный архив КНОО „Полония” Республики Хакасия (г. Абакан) фонд научно-вспомогательных материалов; Архив Ossolineum (г. Вроцлав) Д. Puchlik Jozefa. Pamietnik Sybiraczki 16779
41. СПП был организован в первом квартале 1943 года польскими коммунистами в СССР
42. Архив Акт Новых в Варшаве. Ф. ZPP Д.1019 Л.26
43. Там же. - Д.131 Л.20; ААН в Варшаве. Ф. ZPP Д.804 Л.7-22; В общем на территории СССР в 1944 г. функционировало 114 школ, а учителей 800 человек, из них около 40% не имели педагогического образования
44. Там же. - Д.1019 Л.172
45. Архив Акт Новых в Варшаве. Ф. ZPP Д.131 Л.22

46. Там же. - Д.1019 Л.64-65
- 47/ В статистических документах СПП Красноярский край и Республика Хакасия проходят как один регион
48. Архив Акт Новых в Варшаве. Ф. ZPP Д.131 Л.20
49. Там же. - Д.1019 Л.172
50. Государственный архив Республики Хакасия Ф. р335 Оп.1 Д.46 Л.19
51. Архив Акт Новых в Варшаве, Ф. Hoover – Ambasada RP w Moskwie Д. 29 Л.70
52. На самом деле посольство находилось в Куйбышеве, однако в европейских научных изданиях принято писать Польское посольство в Москве, то есть в СССР во время войны
53. Архив Акт Новых в Варшаве, Ф. Hoover – Ambasada RP w Moskwie Д. 29, Л.71; Włodarczyk B., Księga pamięci. Historia i współczesność. Wrocław, 2003; Włodarczyk B., Varwy Syberii z daleka i bliska, Wrocław 2004; Леончик С., Польский детский дом в Хакасии во время Великой Отечественной войны. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. Абакан, 2005; Улейская Т., Новые исследования о поляках в Красноярском крае (по материалам ГАКК). // Поляки в Приенисейском крае. Абакан, 2005
54. Katron W., Losy Kresowiaka. Z Kresow Wschodnich na Syberie i powrot w polskim mundurze do ojczyzny. Szczecin, 1998
55. Архив KoroArt Ф.1 Оп.1 Д.1 Л.1 (Воспоминания Л. Левицкий. Аудиозапись. Wrocław, 2006)
56. Архив KoroArt Ф.1 Оп.1 Д.5 Л.1 (Воспоминания Х. Богуславской. Аудиозапись. Августув, 2006)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Archiwum Tekstów Radia Maryja. Audycja z 09.02.2003. Temat: „Golgota Wschodu - kolejna rocznica wielkiej deportacji”. Goście: Ks. Prałat Zdzisław Peszkowski, dr Zygmunt Zdrojewski
2. Biała księga. Fakty i dokumenty z okresu dwóch wojen światowych, (red. Sukienicki Wiktor), Wyd. Editions, Paryż, 1964
3. Bugaj T.: Dzieci polskie w ZSRR I ich repatriacja 1939-1952. Jelenia Góra, 1982
4. Byrska M.: Ucieczka z zesłania, Wyd. Editions, Paryż, 1986
5. Ciesielski S.: Masowe deportacje z ziem wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1940-1941 i losy deportowanych. Uwagi o stanie badań. [W:] (red. Ciesielski S.), Wschodnie losy Polaków, Wyd. UW, Wrocław, 1997
6. Czubiński A.: Najnowsze dzieje Polski 1914-1983, Wyd. PWN, Warszawa, 1987
7. Domańska W.: Zdrojewska L., Listy z zesłania [w:] Ojczyzna kochana poszukaj swych dzieci. Wspomnienia i dokumenty.
8. Fundacja „Rodacy - Rodakom” Warszawa, 1996
9. Encyklopedia „Białych plam”, t VIII, Wyd. POLWEN, Radom, 2002
10. Gałęziowska - Stefanowska H.: Nie ma Boga [w:] Jak pisklęta z gniazd. Wspomnienia i dokumenty. Fundacja „Rodacy - Rodakom” Warszawa, 1998
11. Gurjanow A.: Cztery deportacje 1940-41, „Karta” nr 12, 1994
12. Iwanow M.: Pierwszy naród ukarany. Polacy w Związku Radzieckim 1921-1939, Wyd. Uniwersytet Opolski, Warszawa-Wrocław, 1991
13. Janocha A.: Pod opieką Matki Bożej, Wrocław, 1993
14. Jarosiewicz E.: Stalin nam ojcem [w:] Jak pisklęta z gniazd.

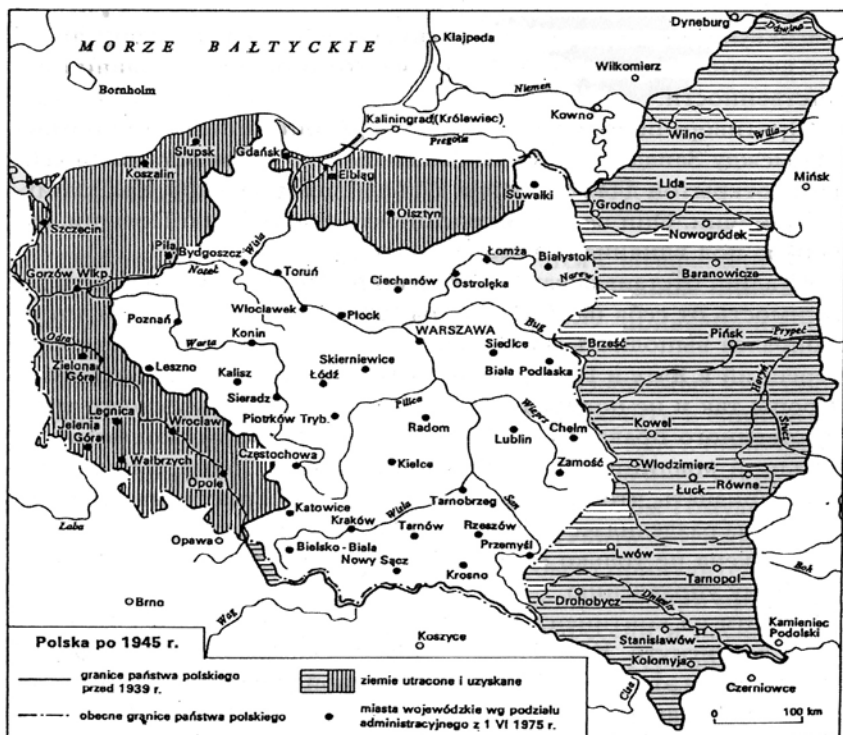
- Wspomnienia i dokumenty. Fundacja „Rodacy - Rodakom”
Warszawa, 1998
15. Katron W.: Losy Kresowiaka. Z Kresów Wschodnich na Syberie i powrot w polskim mundurze do ojczyzny. Szczecin, 1998
 16. Kołbuszewski J.: Kresy, Wyd. Dolnośląsk, Wrocław, 1995
 17. Kot S.: Listy z Rosji do generała Sikorskiego, Londyn 1955
Masowe deportacje sowieckie w okresie II wojny światowej,
(red. Ciesielski Stanisław), Wyd. UW, Wrocław, 1994
 18. Niedziela Z.: Wspominam Kazachstan, „Znak”, nr 328, 1982
 19. Parsadanowa W.: Dieportacyja nasielenija iz Zapadnoj Ukrainy i Zapadnoj Bielorusii w 1939-1941 gg., „Nowaja i nowiejszaja istorija” nr 2, 1989
 20. Polak B.: O sowieckich represjach wobec Polaków. [W:] „Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej” nr 11 (34), 2003
 21. Rogalska K.: 10 lutego minęła kolejna rocznica deportacji Polaków z Kresów Wschodnich do ZSRR. [W:] „Głos znad Niemna” Nr 7, 18 lutego 2005
 22. Szynkiewicz S.: Polacy kazachstańscy. Początki przystosowania do środowiska, [w:] Polacy w Kazachstanie
 23. W czterdziestym nas matko na Sybir zesłali... Polska a Rosja 1939-42 (red. Gross J.), Londyn, 1983
 24. Włodarski J.: Nie miały żadnych szans [w:] Jak piskłęta z gniazd. Wspomnienia i dokumenty. Fundacja „Rodacy - Rodakom”, Warszawa, 1998
 25. Wojcik K.: Rewindykacja zbiorów i zabytków (Po Traktacie Ryskim). [W:] Dziesięciolecie Polski Odrodzonej 1918-1928, Wyd. Światowid, Kraków-Warszawa, 1928
 26. Абдин Н.: Это надо не мертвым, это надо живым. // Абакан, 1995
 27. Биргер В.: Ссылка в Красноярском крае и Хакасии // О-во „Мемориал”. Красноярск, 2001 - www.auditorium.ru/books/433/index.html

28. Влодарчик Б.: Мои воспоминания о Малой Минусе. // Соотечественники № 4 (16) 2001
29. Груздева Д.: Чепурова Л. След на земле Сибирской. // Надежда № 192, 2001
30. Еремина Л. (ред.): Репрессии против поляков и польских граждан. // Москва, 1997
31. Зыкова Т.: Вынужденные гости Сибири. // Надежда № 3 1999
32. Кияс А.: Наказанный народ. // ред. М. Гавецкий, Я. Яскульски. В степи далекой. Поляки в Казахстане. Познань – Алма-Ата, 1997
33. Леончик С.: Депортированные поляки в Хакасской автономной области во время Великой Отечественной войны. // 60 лет Победы в Великой Отечественной войне. Абакан, 2005
34. Леончик С.: Польский детский дом в Хакасии во время Великой Отечественной войны. // Актуальные проблемы истории и культуры Саяно-Алтая. № 6 2005
35. Машниса-Нацуляк Л.: Молодые годы. // Поляки на Енисее. Красноярск, 2005
36. Научный Архив КННО „Полония” Республики Хакасия (г. Абакан) Ф. научно-вспомогательных материалов
37. При подготовке сборника использованы материалы архивов: ГАРФ, ГАРХ, ГАКК, МГТА, ГАОО, ГАСО, КНОО „Полония”, ААН, Hoover, Мемориал, КАРТА, KorolArt
38. Улейская Т.: Новые исследования о поляках в Красноярском крае (по материалам ГАКК). // Поляки в Приенисейском крае. // Абакан, 2005
39. Цыган К.: Скальски Я. Польша. Борьба за свободу и независимость 1939-1945 гг. // Варшава, 2005
40. Петрушко Ч.: Польский дом на Урале. // Екатеринбург, 2006

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

КАРТА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ГРАНИЦ ПОЛЬШИ С ВОСТОКА НА ЗАПАД

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Количество учеников польского происхождения
в русских школах Красноярского края и
Хакасии в 1942-43 (ГАКК Ф.1383.1.600-609)

Город, село, поселок, деревня	Тип школы	Количество учеников	I-IV класс	V-VII класс	VIII-X класс
с. Парная	Средняя	1			1
с. Шарыпово	Средняя	3		3	1
Косой Лог	Начальная	2	2		
д. Шуш	Начальная	2	2		
с. Большое Озеро	Начальная	4	4		
с. Чебаки	Начальная	8	7	1	
пос. Шипилинский	Средняя	7	4	2	1
Тушинек	Средняя	4	2		1
п. Комунр	Средняя	4	4		
ст. Шира	Начальная	2	2		
Бело-Пильненская	Начальная	1	1		
пос. Марчелаш	Начальная	10	10		
Тапаново	Начальная	4	4		
пос. Паловинка	Начальная	4	4		
Школа ОКС	Начальная	3	3		
уч. Верхни Туим	Начальная	2	2		
пос. Подзаплат	Начальная	4	4		
Очюры	Средняя	4	4		
с. Бея	Начальная	1	1		
д. Мазуль	Начальная -средняя	3	1	2	
Александровка	Начальная	2	2		
с. Бузуново	Начальная	4	4		
Креславка	Начальная	2	2		
Сыда	Начальная	3	3		
Белоярск	Начальная	2	2		
Картуз	Начальная	6	4	2	
Листвичово	Начальная	3	3		
д. Аргаза	Начальная	2	2		
Хавайдак	Начальная	3	3		
З-Имбеж	Начальная	3	3		
Н-Михайловка	Неполная -средняя	6		6	
Солгон	Начальная			1	

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Справка о списочном составе
административного аппарата Мало
Минусинского польского детдома на 1943 г.
(МГГА Ф. 366.1.222.7)

Наименование должности	Штатная единица	Оклад	В месяц	Всего в год руб.
Директор детского дома	1	420	420	3360
Зам. Зав по воспит. части	1	336	336	2688
Воспитатели	11,4	205	2337	18696
Зав. Хозяйством	1	250	250	2000
Бухгалтер	1	300	300	2400
Кастелянша	1	150	150	1200
Истопник	1	100	100	800
Няня - уборщица	3	100	300	2400
Сторож	1	100	100	800
Врач	0,5	300	150	1200
Медицинская сестра	1	205	205	1640
Повар	1	250	250	2000
Помощник повара	2	150	300	2400
Прачка	1,5	100	150	1200
Инструктор по труду	3	205	615	4820
Пионервожатый	1	200	200	1600
Дворник	1	100	100	800
Преподаватель музыки	0,5	205	102,50	820
Всего	32,9		6365,50	50924.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Телеграмма от 7.12.1943
Компольшдет - Красноярский крайОНО
(ГАКК Ф.1383.1.646.3)

... Компольшдет начинает рассылку учебников, уч. пособий, программ.

До 30 ноября 1943 г. в ваш адрес высланы:

1. Избранные сочинения польских писателей на польском языке – Мицкевич, Сенкевич, Конопницка и др.;
2. Сборники инструкций и положений о польских школах и детских учреждениях;
3. Программа географии Польши для III-IV классов;
4. Программа польского языка для I-IV кл.;
5. Учебный план для I-IV кл.;
6. Учебный план для V-VII кл.;
7. Программа по истории СССР для IV кл.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Акт обследования Польского детдома в Малой Минусе от 2.02.1943 (ГАКК Ф.1330.1.9.2)

При обследовании обнаружено детей 150 чел. По возрастным группам распределены так: от 3 до 7 – 32; от 7 до 10 – 47; от 10 до 12 – 49; от 12 до 14 – 22 чел.

Детдом не имеет специального помещения, и занимает нижний этаж М. Минусинской школы. Помещение состоит из 3х комнат, общей площадью 158,5 м². В самой большой комнате из трех, служащей детям столовой, она же является класной и тутже является портняжной мастерской. В целях частичного расселения, временно с 1го ноября по 15 апреля, по договору с колхозом, младшая група в 30 чел заняла помещение сезонных яслей.

Нет раздевальной для детей, нет умывальной. Такая скученность создает антисантарные условия, что ведет к возникновению кожных и инфекционных заболеваний.

Явившаяся часотка, благодаря тесному контакту, охватила сразу 135 детей. Эпидемия кори охватила 76 из 120 детей. Свинки было 30 случаев, коклюш 6 случаев, Брюшной тиф 2 случая. Тесный контакт детей детдома со школьниками, приводит к тому, что заболевания, появляющиеся в детдоме, дают заболевания по селу. Так было с эпидемией кори и с заболеванием брюшного тифа.

Пищевой блок состоит только из одной комнаты площадью 4х3 м², причем, значительная часть комнаты занята печкой и плитой. Никаких подсобных помещений нет: отсутствуют помещения для чистки овощей и мытья посуды, что создает антисантарные условия, являющиеся предпосылкой возникновения желудочно-кишечных заболеваний.

Одновременно, надо отметить, что учебно профиликтическая работа поставлена в детдоме на должную высоту. Профилактические прививки кори, дифтирии, брюшного тифа проводятся своевременно.

На день обследования почти полностью ликвидирована часотка. Благодаря систематической (три раза в месяц) санобработки, ликвидирована полностью, имевшая место среди детей завшивость.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

Акт по приемке польских детских благотворительных учреждений в г. Черногорске от 26.02.1943

(ГАКК Ф.1330.1.9.15)

1. Польский детсад существовал с 07.1942 г. по 1.01.1943 г. Детсад помещался в отдельной комнате и никакого собственного инвентаря не имел. Количество детей 22 чел. Дети занимались 5 часов с 10 до 3-х часов дня Питание детей производилось на общих условиях – дети получали такойже обед как и взрослые. Специальной кухни небыло. Детсад обслуживал детей всех семей, независимо от того работала семья или нет. Персонал детсада состоял из одного человека.

2. Польская школа организованная в июле 1942 года в настоящее время не проводит занятия. Занятия велись по программе польской школы до установления Советской власти. Вели школу два учителя, один из них заведующий. Школа занимала отдельную комнату. Занятия проводились в две смены. С 9 часов утра до 1 часу дня. 3 и 4 группы, с 1 часу до 4-х часов 1 и 2 группы. Посещало школу 69 человек. Занятия велись на польском языке. Учебников и наглядных пособий не было. Ученики пользовались общей столовой, из которой получали один раз в день обед. Школа собственных денежных средств не имела. Зарплата учителям выдавалась за счет общего фонда спускаемого польским посольством для материальной помощи Польским гражданам. Детей, подлежащих обучению в школе, 69 человек. Инвентарь школы принадлежит Черногорскому горОНО данный польской школе на временное пользование, школьных парт 33 шт. И принадлежащая польской школе доска одна, звонк один.

Документы о том, что школа и детсад не имели средств, доверенное лицо польского посольства, господин Ольшевский, представить отказался, мотивируя отсутствием их.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Информационное письмо начальнику Упросовторга Наркомпроса СССР (ГАКК Ф.1330.1.9.68)

По данным НКВД польское взрослое население находится в настоящее время в следующих местностях:

1. Хакасская обл. – 2100 чел.
2. Минусинский – 1200
3. Енисейский – 890
4. Канский – 2900
5. Ачинский – 1889

/ 8978

В Красноярском крае имеется детей до 16 лет – 4987 чел.
... дислокация благотворительных учреждений бывшего Польского посольства:

Детдома; с.Б.Ерба, с.Боград, Казачинск, М.Минуса.

Детсады; Черногорск, Усть Абакан.

Детплощадки; Минусинск

Школы; Краснотуранск, Черногорск, Усть Абакан, Боград

Дом инвалидов; Абаканский район

Столовые; с.Партизанское, с.И.же..ево (партизанский р-он), с.Н.Есауловка (Манский р-он), с.Козулька (Козул р-он), г.Черногорск, г.Ачинск, с.Каратуз (Краснотур р-он), с.Листвяново, д.Сила, г.Минусинск, г.Боград

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Список районов в которых находятся спецпереселенцы от 4.03.1941 (ГАКК Ф.1434.12.7.60-80)

1. Абанский р-он: п.Борзово – 270 ч., п.Новопочет – 340 ч.,п.Почет – 270 ч., п.Тумень – 250 ч.
2. Даурский р-он: п.Тюбиль – 670 ч., п.Черемушна – 700 ч., п.Поперечна – 250 ч., п.Езагаш – 125 ч., п.Двоеустье – 125 ч., п.Якушыха
3. Емельяновский р-он: п.Стеклозавод – 300 ч.
4. Енисейский р-он: п.Маклаково – 280 ч., Енисейский лесозавод – 240 ч.
5. Казачинский р-он: п.Пискуновка – 360 ч., п.Кокорное – 21 семья., п.Средняя Шилка – 19 семей.
6. Манский р-он: п.Пимия,п. 6-го километрас, п.Таежный, п.Черемушка, п.Муртун, п.Хабойдак –
7. Новоселовский р-он: п.Кужня, Урочище Кашбаш, Большая речька – 450 ч.
8. Ново Ингашский р-он: Лебяжинский химлесхоз – 3184 ч., Заводовский химлесхоз – 2500 ч.
9. Партизанский р-он: Вилистовский мех. Пункт; п.Корбино, п.Шира, п.Хабайдан – 350 ч.
10. Саралинский р-он: п.Андреевка – 200 ч., п.Ивановка – 170 ч., п.Трансваль – 60 ч., п.Золотогорский – 185 ч., п.Прийсковый – 184 ч., п.им. Целищева – 36 ч.
11. Северо Енисейский р-он: п.Немунь – 500 ч., Совхоз Ружный – 300 ч., п.Тея – 800 ч., п.Зимовье Тея – 453 ч., Кузнецовский Ключ – 115 ч., Прииск Владимировский – 261 ч.
12. Советский р-он: Лесний участок Береть (п.Брод, п.Тона) – 774 ч., Лесний участок Ярлыковка – 249 ч.
13. Тосеевский р-он: п.Машуновка – 290 ч.
14. Удерецкий р-он: Прииск им. Кирова
15. г. Краснорск Кировский р-он: Красмаш завод и Бумстрой – 243 ч.
16. Тяхтетский р-он: Село Тяхтет – 1485 ч.
17. Бирюоский р-он: п.Полевой (3 поселка) – 1621 ч.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

Из данных акта обследования польского
детдома в г.Тобольске от 2.03.1944
(ГАСО Ф.437.9.1114.127)

Обнаружены следующие недочеты;

Помещение занимаемое детдомом в котором находится 81 ребенок в веку от 5 – 16 лет. недостаточное. Дети спят по двое, почти без интервалов между кроватей; нет отдельной столовой, рабочая комната является одновременно и мастерской и столовой. Детдом не имеет отдельного двора, двор и уборная общие с учительским институтом и частной квартирой. Питание детей 4-х разовое, очень однообразное в рационе нет овощей, свежего молока, рыбы, мясо бывает очень редко. Среднесуточный колораж равен 1.700 кк. В связи с недостатком питания среди детей имеется 16 чел дистрофиков и 6 чел с явным авитаминозом.

Приказ

1. Увеличить помещения
2. Обеспечить овощами

ПРИЛОЖЕНИЕ № 10

Список сотрудников польского детдома в Малой Минусе 28.02.1943 г.

Фамилия	Должность	Возраст	Образование	Пед. Стаж
Карская Мария Станислав	Заведующая	44	среднее	1 год
Загевский Франц Антон	Завхоз	43	среднее	1
Флешар Елена Иван	Кладовщик	54	среднее	
Гловач Янина Максимильян	Мелесетра	51	среднее	23
Голлевская Янина Викентий	Воспитатель	42	среднее	22
Гербик Кунегунда Фомовна	Воспитатель	41	среднее	17
Думаньская Ядвига Францевна	Воспитатель	35	среднее	14
Садовская Анна Антоновна	Воспитатель	22	среднее	3
Равицкая Амелия Франц	Воспитатель	21	среднее	1
Канаречко Ядвига Ивановна	Кухарка	29	3 кл. нач. школы	
Ковалик Мксимильян Францевич	Сторож	46	4 кл. гимназии	
Гуртуевич Эдуард Иосиф	Портной	34	4 кл. нач. школы	
Левицкая Мальвина Владимировна	Уборщица	41	3 кл. нач.	
Соболевская Мария Иосиф	Уборщица	33	4 кл. нач. школы	
Грежан Мария Федоровна	Уборщица	33	3 кл. нач. школы	
Сонгайло Янина Валериановна	Кухарка	26	7 кл. нач. школы	
Аморожевич Регина Адмовна	Уборщица	22	7 кл. нач. школы	
Костровицкая Уршуля Доминичкова	Портниха	32	средне-ремесленное	
Рудлевская Олимпия Вандалинова	Няня	20	7 кл. нач. школа	
Фяилковская Екатерина Ивановна	Прачка	36	4 кл. нач. школы	
Хлебовская Степанида Иван	Няня	21	1 кл. гимназии	
Павлупина Ядвига Михайловна	Прачка	29	1 кл. гимназии	

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

Список детей в д.д. Большая Ерба, Богградского района, Красноярского края в день передачи д.д. в ведение райОНО 25.02.1943 г.

Фамилия имя	дата рождения	класс	Родители	Соц. происхождение	Где родители в настоящее время работают
Пыч Данута	1942	-	О\нет	Крестьянка	М-няня в д.д.
Пыч София	39	-	-	-	-
Маружевская Алина	37	-	-	-	М-пекарь в д.д.
Бошакувна Ядвига	37	-	Сирота	-	
Шипко Леонарда	38	-	О\нет	-	М-в колхозе Гольдже
Ненсек Евгения	38	-	Сирота	-	
Козловский Генрик	37	-	О\нет	-	М-живет в капенах
Козуболь Ждислав	39	-	М\нет	-	О-кузнец в Б-Е.
Суроконт Михослав	37	-	О\нет	-	М-заведующая дошкольной группы в д.д.
Штуковский Антон	39	-	Сирота	-	
Штуковский Бронислав	37	-	Сирота	-	
Карп Рихард	36	1	О\нет	-	Доверенный польского посольства
Томашевский Евгений	38	1	О\нет	-	М-в колхозе Карасук
Кореньевич Славомир	36	1	О\нет	-	М-уборщица в д.д.
Шиц Галина	36	1	О\нет	-	М-в колхозе Копены
Пекарская Ирина	36	1	О\нет	-	М-в колхозе Гольдже
Козловский Лешек	36	1	О\нет	-	М-в колхозе Копены, больна
Бошакувна Розалия	35	1	Сирота	-	
Попко Степан	35	1	Сирота	-	
Грабовык Юзеф	35	1	М\нет	-	О-кузнец в селе Катюшкино
Мрожевский Заслав	35	1	О\нет	-	М—пекарь в д.д.
Завистовская Люцина	35	1	О\нет	-	М-в колхозе Копены
Пыг Галина	34	2	Сматри №1	-	
Пупинский Вячеслав	34	1	О\нет	-	М-прачка в д.д.
Уляхнович Станислав	34	1	Есть	-	О-болен, М-в колхозе «10 октября»
Петрусевич Ванда	34	1	О-инвалид	-	М-в колхозе «10 октября»

Ручинский Константин	34	1	Сирота	-	
Шиц Эдуард	32	1	О'нет	-	М-в колхозе Копены
Годомер Ян	33	1	О'нет	-	М-в селе Знаменка
Грабова Яния	33	2	М'нет	-	Смотри №2
Улехнович Франц	33	1	Смотри №25	-	
Кубай Леон	33	1	Сирота	-	
Гуджок Бронислав	33	1	Сирота	-	
Сикора Анна	33	1	О'нет	-	М-в Манском районе
Урлевич Богдан	33	1	Сирота	-	
Мишкевич Казимир	33	2	Сирота	-	
Коровац Клара	33	1	Сирота	-	
Хована Анна	33	1	Сирота	-	
Слыш Галина	33	1	Сирота	-	
Скупень Станислав	33	1	Сирота	-	
Завистовский Станислав	32	2	О'нет	-	М-в колхозе Копены
Коренькович Техеза	32	3	О'нет	-	М-уборщица в д.д.
Мхожевский Чеслав	32	2	О'нет	-	М-пекарь в д.д.
Трушковская Леокадия	32	3	М'нет		О-в Б-Е.
Гаммер Мечислав	32	2	Сирота	-	
Боховская Станислава	32	2	Сирота	-	
Гуджо Мария	32	1	Сирота	-	
Станник Мячеслав	32	2	Сирота	-	
Врубель Розалия	32	1	Сирота	-	
Мухавская София	31	3	О'нет	-	М-в к-зе Копены, больна малярией
Козак Кимслав	31	2	О'нет	-	М-живет в селе Боград
Шушкевич	31	2	Есть	-	Работают в «10 октября» детей 7
Улехнович Геслав	31	2	Есть	-	Работают в «10 октября», О-болен, семья большая
Сикора Феликс	31	3	Смотри №34	-	
Завистовская Алина	30	4	О'нет	-	М- в колхозе Копены
Путинский	30	4	О'нет	-	М-прачка в д.д.

Збигнев					
Загурска Рахиль	30	4	Онет	-	М-работает коннохом в колхозе Копены
Розмыслович София	30	4	Онет	-	М-в с.У-Ерба, больна
Вшиневская Ядвига	30	4	Онет	-	М-в с.Знаменка
Кулаковская Ирина	30	4	Онет	-	М-в Ербе
Мрузевская Станислава	29	4	Онет	-	М-пекарь в д.д.
Пыч Тереза	32	3	Смотри №1	-	
Садовский Эдуард	29	2	Мнет	-	О-(старик) пасет овец в колхозе «10 октября»
Шушкевич Эдуард	29	2	Смотри №52	-	
Трушковская Адель	29	4	Мнет	-	О-в колхозе работает коннохом
Боровская Альфрида	29	4	Сирота	-	
Хрустовская Галина	29	4	Сирота	-	
Ненсак Станислав	28	4	Сирота	-	
Марчевский Тадеуш	33	1	Сирота	-	
Завшиляк Чеслава	34	1	Онет	-	М-в Абакане, больна
Мрачковский Владислав	29	1	Сирота	-	
Шушкевич Владислав	32	1	Смотри №52	-	
Пыч Ядвига	36	1	Смотри №1	-	
Загурская Паулина	88 – лет, находиться в д.д. как в приюте				

О – отец; М – мать; д.д. – Детдом

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12

Состояние учебно-воспитательной работы в д.д. Большая Ерба 26.02.1943 г.

(ГАКК Ф.1330.1.9.29)

Дошкольная группа. Воспитатель Ижак. Образование 8 кл., детей 12 ч. больше всего разучивают песни и стихи на польском языке. Знают на русском языке несколько стихотворений и песен: «Письмо Ворошилову», «Дан приказ», гимн «Интернационала». Дети приучены к первым правилам вежливости и гигиены. Отношение воспитателей к детям хорошее.

Школьная группа: В 1-м классе 32 ч. Учитель Жденовичь. Образование среднее педагогическое. Занятия проводятся только на польском языке. Книг нет. Пользуются школьной страницей из польской газеты, которая приходит из Куйбышева 2 раза в месяц.

Во 2-м классе 13 ч. Учитель Лыжник. Образование среднее. Обучение проводится только на польском языке.

В 3 и 4 классах преподавание предметное на польском языке. Педагогический состав: 1) Яворовский (среднее) – математики и русский язык. 2) Лыжник – грамматика и литература на польском языке, география. 3) Ждановичь – естествознание.

Преподавание не соответствует с программой Наркомпроса. Русский язык изучается в 3-м классе за 1 класс., в 4-м за 2-й по книгам Афанасьева. По географии в 3-м и 4-х классах вместе изучают тему «Карта». Книг нет. Естествознание (природа) в 3-4 классах вместе, ведется по книге Дяковского (за 5 класс) издание 1937 г. на польском языке (1 экземпляр). Дети Учебников не имеют никаких. всего детей в 3 классе 5 ч., а в 4 классе 11 ч.

Религиозное воспитание внедряется при чтении текстов получаемых газет.

Детям прививаются трудовые навыки (вязание, вышивка, и т.д.) под руководством заведующей д.д. Суркантовой.

Дети дежурят в кухне и столовой. Мальчики готовят дрова и возят воду для помещений д.д.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 13

Сведения о поляках проживающих в районах
Омской области от 10.04.1944
(ГАОО Ф.437.9.1135.6)

Район	Общее к-во чел.	Дети	Семьи фронтовиков
Называевский	81	21	15
Карниловский	34	19	23
Молотовский	9		4
Камышинский	18	8	5
Знаменский	303	141	58
Искульский	91	37	19
Тобольский округ			
Тобольск	828	367	143
Тобольский р	246	109	48
Уватский	520	214	94
Байкаловский	460	201	72
Вагайский	80	37	17
Дубровинский	90	42	14
Ярковский	60	28	9
Сорокинский	16	13	8
Р.Поленский	63	12	11
Павлоградский	53	10	9
Оконешниковский	12	2	13
Арамшевский	11		
Казанский	30	2	4
Коломинский	130	56	17
Великанский	93	16	5
г. Омск	1000	15	5
г. Тюмень	329	113	43
Тюменский р-он	557	93	34
г. Ишим	520	185	71
г. Тара	600	280	87
г. Большеуки	35	9	3
г. Большеречье	300	110	52
г. Полтавка	130	51	17
Ульяновский р-он	360	147	67
Ко...вический	250	96	49
Маряновский	200	68	32
Маскаленский	58	12	4
Мурамцевский	699	103	47
Н. Омский р-он	37	13	5
Тавризский	85	32	8
Саргатский	40	12	5
г. Усть Ишим	603	120	73
г. Юрга	204	35	62
г. Евгашено	213	75	37
г. Ханты Мансийск	441	83	41
Азовский р-он	120	52	23
Седельниковский	105	27	7
Абатский	165	72	45
г. Н. Тавда	307	115	72
Тавничанка	65	23	17
Тюкалинский	55	19	13
г. Шербакуль	51	13	
г. Ялуторовск	81	38	11
Ямало Ненецкий р-он	421	163	89

ПРИЛОЖЕНИЕ № 14

Управление НКВД – Управляющему Обьлес
от 7.05.1940

(ГАОО Ф.437.23.22.5)

Обследование спецпоселков семей осадников и лесной стражи. Установлено ряд нарушений требующих исправлений.

Поселенцы во многих спецпоселках обеспечены жильем не удовлетворительно, по нормам положено 3м² а на самом деле на человека приходится 1,5-1,6 м² на человека. В Большом Ингаре Тобольский р-он пос. Мысовой и пос. Белейка Уватского р-она на человека приходится 1,1 м² на человека.

Отсутствие кладовых для вещей еще больше увеличивает скученность. Бараки за редким исключением оборудованы двойными нарами. Такая скученность создает антисанитарию.

Ни один из поселков не имеет помещений для кухонь, прачечных. Бараки не освещены, нет ни одной керосиновой лампы.

Недостаток инструментов в достаточном количестве (пил, топоров) и недостаток одежды являются причиной не трудоустройства многих переселенцев, особенно в пос. Белый Яр, Кузнецово Тевризского р-на и Б. Ингаир Тобольского р-на.

1. пос. Мысовый Уварского р-на из 242 - занято 120 ч.
2. пос. Белика из 200 трудоспособных занято 130 ч.
3. пос. Кузнецово из 226 трудоспособных занято 136 ч.
4. пос. Ново Ягодинский из 485 трудоспособных занято 277 ч.

Отмечается также большая неразбериха со снабжением из-за чего нормы выдачи хлеба на работающего в одни руки снижены, например на участках: Тюлеганы – 600 гр., Н.Ягодное – 300 гр., Кузнецово – 2 кг. Недостаток питания у детей вызывает истощение.

Изложенное выше говорит о грубом нарушении „Обьлес” пункта 2 договора НКЛес и ГУЛАГ НКВД от 20/II-40 г. и пункта 4 о трудоустройстве спецпоселенцев

ПРИЛОЖЕНИЕ № 15

Акт по приемке польских детских благотворительных учреждений в г. Якутск 1943 г.

(ГАРФ Ф.а304.1.10.46)

Начальная школа 80 чел. Один класс параллельный, а остальные по одному. Там имеется 5 преподавателей: два доктора (Корн), один юрист, две жен., Зав шк. Скокова. Собственного помещения школа не имеет.

Раньше арендовали помещение фельдшерско-акушерского училища и занимались в вечернюю смену. Учебных пособий не хватает. Учебный план у них был собственный, но они составили согласную с Наркомпросом (еще до принятия школы в систему) сетку, там все предметы плюс закон божий и история Польши. Закон божий мы сняли спустя месяц, история преподается, но как нам не известно так как у нас в аппарате нет владеющих польским. С 1 апреля школа передана в систему горОНО, приобретены книги и оборудование. При школе питание не организовано. Несколько раз проводились родительские собрания. Был проведен первомайский праздник (3-4 мая), дети выступали со стихами, док. Корн составил скетч из школьной жизни, посвященный как будто бы 1 мая.

Детсад принят с контингентом 120 д. В детсаду две комнаты - столовая и кухня. дети приходили только питаться. Воспитательной работы не проводилось. Иногда по польским праздникам собирали в клуб связи всех детей и устраивали там выступления, под новый год елку. теперь детсад дневной, питание организовано дети проводят время в соседнем здании с ними проводят воспитательную работу.

Детсад очень бедный два стола во всю длину и скамейки. Не можем обеспечить всех детей мертвым часом имеется 20 кроватей. Детсад работает по материалам как русские. 4 воспитателя, одна русская, 1 художественная самодеятельность, 1 групповод.

В детдоме было 12 детей, часть детей устроено на патронат и в детдом в Усть-Алданский р-н 2х детей, Хатагайский детдом 3 детей. - перевести этих детей обратно не удалось. Были дети в Золотопромышленном р-е Алауне. Мы разыскали и передали в Республиканский детдом 12 сирот.

ОБ АВТОРЕ

Павел Столяров-Король выпускник Ягеллонского университета (г. Краков, Польша) в настоящее время обучается в аспирантуре этого старейшего университета Европы. Принадлежит к семье потомков польских политических ссыльных середины XIX и начала XX вв. По-настоящему смог раскрыться и реализовать себя с началом демократических перемен в России и возрождением полонийного движения. Вступил в культурно-национальное общество «Полония» Республики Хакасия, изучал язык в Школе польского языка и культуры при Центре детского творчества г. Абакана, неоднократно выезжал на курсы польского языка в Польшу. Все это открыло ему дорогу к получению образования в польском вузе.

На протяжении десятка лет является одним из активных участников полонийного движения. Постоянный участник международных научных конференций в России и Польше по проблематике польской диаспоры в России. По данному направлению опубликовал уже более 20 научно-популярных статей на польском, русском и английском языках. Регулярно реализует как собственные, так и совместные культурные проекты с польскими и российскими музеями, библиотеками, культурно-историческими центрами и клубами. Один из постоянных авторов журнала «Rodacy» (Соотечественники) – сибирского издания Конгресса поляков в России, автор и создатель сайта www.rodacy.ru.

В течение последних пяти лет проводит обширные научные исследования по теме бывших ссыльных поляков в Сибирь в 40-х годах прошлого века. Результатом этой работы стал созданный 2007 г. один из крупнейших в мире частных архивов – «KorolArt». В архиве хранятся документы, аудио и видео записи, фотографии (10 000 единиц), повествующие об истории пребывания поляков на Крэсах и в Сибири в 1940-46 годах.